

**МОЁ
ЧУЖОЕ
ИМЯ**

АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

16+

Анастасия Логинова

Моё чужое имя

**Серия «Катрина Астафьева. Старогорск.
Полицейский детектив», книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36976272

SelfPub; 2022

Аннотация

Устоявшаяся жизнь Катерины Астафьевой, молодой перспективной адвокатессы, рушится в один миг. Втянутая в опасные криминальные игры, она вынуждена бросить все, отказаться от собственного имени и бежать. Но и в тихом провинциальном городке, где она спряталась, совсем не так тихо, как хотелось бы: убийцы следуют по пятам. Не понятно кто друг, а кто враг, кому можно верить, а кому верить опасно. А что если врагом окажется самый близкий друг?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Анастасия Логинова

Моё чужое имя

Глава 1. Два могильных холмика

15 марта 2011г., Москва

Таня чуть не на ходу выпрыгнула из переполненной маршрутки, и сразу же ее закрутил порыв ветра с мокрым, тающим на лету снегом. Бежать от остановки до офиса совсем немного, метров тридцать, но этот участок пути был самым неприятным. Каблуки-шпильки скользили по заледенелой тротуарной плитке, ветер подхватывал полы модного пальто и оголял ноги в одних чулках. Ужас, как холодно! Чтобы чуть согреться, Таня начала мечтать, как сейчас прибежит к себе в кабинет – шеф еще, конечно, не пришел, поэтому целых пятнадцать минут можно будет спокойно сидеть возле обогревателя и пить горячий кофе.

За стеклянной дверью стояли двое охранников и чему-то улыбались. Худшей смены и представить сложно: с Валерой Таня безуспешно пыталась расстаться уже третий месяц, а дружок его Антон и того хуже.

– Доброе утро, Татьяна Леонидовна, – Антон не поленился выйти к ней на мороз и решительно не позволял войти в теплый уютный вестибюль. – А у нас с сегодняшнего дня нововведение: досматриваем все личные вещи сотрудников

на входе.

Лицо у него было таким серьезным, что на мгновение Таня даже поверила в эту чушь и выпустила из рук сумочку и папку с бумагами. Лишь когда Антон скрылся за дверью, она сообразила, что это его очередная дурацкая шутка.

– Антон, ты совсем страх потерял? Там важные документы, верни сейчас же!

Таня изо всех сил принялась дергать ручку запертой двери, хотя ее тут же отпер Валера – этот строгого охранника изображать и не пытался: лицо его было подобострастным, а глаза щенячьими:

– Таня, вот, возьми, – он протягивал похищенные вещи, – Антон, ты и правда уже достал всех. Еще раз такое устроишь...

Таня не дослушала – вырвала у него из рук бумаги и направилась к себе. Ребенку понятно, что спектакль разыгрывался только для того, чтобы она принялась благодарить «спасителя» и на радостях реанимировала их отношения.

В приемной Таня первым делом включила кофеварку, на ходу снимая пальто, поправила перед зеркалом медно-рыжие волосы, растрепанные ветром, а потом дернула – для очистки совести – дверь шефа. Та неожиданно легко поддавалась:

– Ой! – удивилась Таня. – Дмитрий Николаевич, вы уже пришли? Что-нибудь нужно?

Митенька – так за глаза служащие конторы звали шефа

– ответил не сразу, потому что соображал плохо. Причиной тому была бутылка коньяка, опустошенная им, скорее всего, в одиночестве.

– Может, кофе? – быстро нашлась Таня.

Среагировать на вопрос шеф никак не успел, потому что на его столе противной трелью заверещал телефон. Митенька сжал ладонями голову и скорее междометиями, чем словами велел: «Ответь!». Таня послушно взяла трубку и предельно вежливо пропела:

– Приемная компании «Оникс». Слушаю?

– Танюша... – Таня всегда удивлялась способности Вячеслава Петровича Левченко, дяди их шефа, запоминать имена всех-всех из его окружения. Даже тех, которые ему, казалось бы, сто лет не понадобятся. – Танюша, мой где, не знаешь?

– Дмитрий Николаевич уже приехал, но сейчас на минуточку отошел. Что-то передать ему? – Будто шеф и правда чуть свет явился в офис, чтобы выполнить какие-то архиважные дела, но вот только три секунды назад отлучился по еще более важным делам... Такие «ночевки» не были для Митеньки большой редкостью – Левченко и сам уже догадался, что племянник сейчас лыка не изволил вязать. Вячеслав Петрович неразборчиво проворчал что-то мимо трубки, высказывая недовольство, а в трубку произнес:

– Я буду часа через два – приведи его в порядок, ясно?

И сразу положил трубку.

– Ваш дядя звонил, – ответила Таня на немой вопрос ше-

фа, – сказал, что будет через два часа.

Митенька, услышав слово «дядя», беззвучно зашевелил губами – видимо матерился – неточным движением поднялся с директорского кресла и начал приглаживать торчащие во все стороны волосы.

– Кофе мне свари крепкий и... – он болезненно закрыл глаза.

– Аспирин?

– Да, и аспирин сбегай купи, но сначала бутылку... убери куда-нибудь из кабинета...

Таня плотно прикрыла дверь и вздохнула: «Сбегай... я что – курьером сюда устраивалась?!».

В компании «Оникс» Таня занимала должность начальника юридического отдела. Название громкое, но на деле она занималась тем, что печатала счета, выписывала платежки да расфасовывала по папкам документы. Контора, где работала Таня, была так называемой однодневкой, и все дела вела команда Вячеслава Петровича. Тане только и оставалось, что раскладывать целыми днями пасьянс на компьютере или вот – бегать по мелким поручениям. Впрочем, зарплату она получала более чем приличную – уж было за что – так что обычно ее все устраивало.

С Левченко-младшим Таня достаточно времени проработала вместе, и удивить ее он уже вряд ли чем-то мог. Митенька – он и есть Митенька. Гендиректор... Он занимался исключительно тем, что крутил роман с секретаршей Ле-

ной да заказывал себе раз в месяц визитки с голограммой. В офисе появлялся нечасто, а если и появлялся, то почти всегда оставался ночевать в личном кабинете, как вчера. Просто дома «потерявшегося» племянника дядюшка будет искать в первую очередь, а то, что в офис тот ходит только для того, чтобы напиться и переночевать, Вячеслав Петрович, кажется, еще не осознал. А вообще, Левченко-старший Митеньку здорово достает – даже жалко его иногда...

Припрятав пустую бутылку так, чтобы она не попадалась на глаза, Таня спустилась вниз к мальчикам из «Брэнда» и снова наткнулась на щенячий взгляд, устремленный на нее. Конечно же, Валере хватило полупамятка, чтобы сорваться с места и бежать в аптеку.

Их отношения с самого начала были ошибкой. Таня столько сил приложила, чтобы добиться того, чего добилась: переехала в Москву, закончила престижный вуз, работала без праздников и выходных, изводила по ползарплаты на косметику и модную одежду... А он как был деревенским мальчишкой, так им и остался – и меняться не хочет. Такое ощущение, что Валерке вообще ничего не нужно в жизни, кроме этой их пресловутой любви.

Шефу Танина помощь уже была не нужна – явилась его Лена и начала над ним хлопотать, словно курица над цыпленком: кофе его отпаивать, одежду и волосы приводить в божеское состояние. А Таня начала свой рабочий день – ес-

ли Лена была ответственной за сердце шефа, то она больше за документацию. Порядок в мыслях, как известно, возможно установить только после порядка на рабочем столе, потому Таня первым делом удостоверилась, что все бумаги по-прежнему лежат в строгом порядке. Затем она смахнула со стола и полоч одной ей заметную пыль, накопившуюся за выходные, и потом только раскрыла ежедневник, чтобы просмотреть список дел на сегодняшнее пятнадцатое марта. И тут же нахмурилась, глядя на первую запись. Сегодня ночью в Москву вернулась Екатерина Астафьева – она отсутствовала три недели, и за это время Таня решилась действовать. Нужно было набрать ее номер прямо сейчас и договориться о встрече, но как же не хотелось этого делать...

Екатерина Андреевна была ровесницей Тани, ей не больше лет двадцати семи, но держала она себя подчеркнуто холодно и высокомерно. К ней даже в мыслях непривычно было обращаться фамильярно. Впрочем, с другими та была куда приветливее, но кто для нее Таня? Безымянная девочка-провинциалка, секретарша в папочкиной конторе, почти что прислуга – кто церемонится с прислугой? Да, Таня уже год, как не работает на Астафьевых, и от провинциалки в ней давно ничего не осталось – пять лет учебы и работа в Москве определенно добавили ей столичного лоска и соответствующих манер, которых она набралась, в том числе, и у Екатерины Андреевны. Только перед дочкой Андрея Михайловича Таня до сих пор пасовала. А после всего того, что

сопутствовало ее переходу в контору «Оникс», Таня и вовсе опасалась этой мадам. Даже странно, что у такого душевного человека, как Андрей Михайлович Астафьев такая дочь.

Таня, впрочем, очень хотела ошибиться, нерешительно она придвинула к себе телефон.

– Екатерина Андреевна? – заговорила она в трубку. – Это Таня Шорохова... вы меня, наверное, не помните – я была секретарем в «Феликсе»...

– Почему же – помню, – со вздохом, в котором явно чувствовалось неприязнь, отозвалась собеседница. И добавила: – разве вас забудешь. Что вам нужно?

– Я думаю... то есть надеюсь, что вас это заинтересует. Я нашла кое-какие документы из архива Андрея Михайловича. Это касается «Меридиана»...

– Тихо! – Прикрикнула на кого-то мимо трубки дочка бывшего шефа, потом хлопнула дверью и теперь внимала Тане, боясь вздохнуть лишний раз. – Что вы знаете? Говорите немедленно!

А Таня не могла удержаться от улыбки: сработало! «Дочку» ее слова явно заинтересовали, и теперь она наслаждалась интересом к себе.

– Это распечатка банковского счета. Андрей Михайлович достал каким-то образом эту информацию, а недавно я нашла у себя копии. Здесь указано, что «Меридиан» перечислял очень большие суммы в один из европейских банков на счет господина Патрова...

– Хорошо, Татьяна, это не по телефону, – перебила ее собеседница. – Где вы сейчас?

– На Римской, в офисе «Оникса».

– Отлично. Недалеко от вас есть кафе, – она назвала адрес, – я жду вас там через два часа с бумагами.

И отключилась, не дав Тане ответить. Но у той и мысли не было спорить – тема деликатная, и обсудить ее нужно как можно скорее.

Вскоре приехал Левченко-старший, долго о чем-то толковал с племянником. Уехал. Ленка как обычно некстати понесла им в кабинет кофе, а вышла в слезах – Левченко-старший любовницу племянника на дух не переносил, а она, дурочка, все надеялась произвести впечатление. Странные у нее с Митенькой были отношения: у Ленки планы, похоже, чисто меркантильные, а вот Митенька со своей Лены пылинки сдувал – если бы не дядя, наверняка бы уже женился. Это притом, что Лену красавицей можно назвать ну с очень большой долей условности.

На встречу с Екатериной Андреевной Таня собралась заблаговременно. Она считала, что всегда лучше приехать раньше, чем опоздать.

– Лена, я часа на два уеду – очень нужно. Подстрахуешь меня, если что? – предупредила она. Таня была уверена, что Вячеслав Петрович больше не появится, а Митенька на такие отлучки внимания не обращал.

– Ну езжай, если очень нужно, – пожала плечами та.

Таня прихватила папку, ради которой и собиралась на эту встречу, и умчалась. На проходной, правда, пришлось задержаться – Валера, вцепившись пальцами в автомат, робко спросил:

– Таня, а ты сегодня после работы занята? Может быть, встретимся?

И снова этот щенячий взгляд.

– Хорошо, – внезапно согласилась Таня.

«Не хочет по-доброму, объясню так, чтобы понял – раз и навсегда! И, наверное, придется с ним разругаться. Ну почему нельзя обойтись без этих дурацких драм?...»

Тем же утром

С утра пораньше в понедельник по пустякам звонить не станут. Так посчитала Катерина Астафьева, лихорадочно разыскивая в сумке ключи от квартиры. Дверь она захлопнула секунду назад, и в этот же момент в запертой квартире начал надрываться трелью телефон.

– Привет, Киса, – звонил всего лишь Димка – говорил он как всегда скучно, и язык почему-то слегка заплетался. Катерине показалось, что он был слегка нетрезв. В восемь утра.

Знала бы, что он – ни за что бы в квартиру не вернулась.

– Миллион раз тебя просила, не называй меня так, – отозвалась она и посмотрела на часы. – И вообще, перезвони на сотовый, я спешу.

– Ну, прости, Кисуля, – даже не пытайся говорить быстрее, тянул Димка. Катерине иногда казалось, что он над ней издевается. – Как съездила?

– Замечательно! Просто отлично! Я правда тороплюсь...

– У тебя на сегодня какие планы? – зевнул он.

Димы в планах на сегодня не было, но план – на то и план, чтобы его корректировать:

– Встречать меня с работы не надо, а сам приезжай часам к семи – ключи у тебя есть. Да, только закажи что-нибудь на дом, я как обычно не успею пообедать.

– То есть ты до семи домой не вернешься? – уточнил Дима.

– Нет, я весь день буду в конторе.

Работы сегодня действительно было невпроворот: информацию из командировки она привезла просто убойную – нужно было скорее сообщить руководству и начинать работать. Но прорваться с докладом было сложно – у начальства засел новый клиент, кажется надолго. В это же время так некстати позвонила Шорохова, и Катерина опрометчиво назначила ей встречу на двенадцать, а уже через полчаса поняла, что ни за что не успеет. Она пыталась было перезвонить ей и встречу перенести, но как на зло батарея сотового окончательно разрядилась, и телефон, прощально мигнув, отключился. А номер этой девицы у Катерины был записан только в телефоне.

Адвокат без телефона все равно что без рук, потому Аста-

Фьева битый час бегала по всему зданию, выспрашивая, нет ли у кого зарядного устройства к ее модели. Нашла, слава богу. И тут же ее вызвал к себе начальник.

Катерина уже пятый год трудилась адвокатом в Юридической консультации, коллеги сходились во мнении, что она превосходный специалист по уголовному праву, потому она в каком-то смысле была незаменимой. Новый клиент был с очень развитой мускулатурой, очень низким лбом, но с очень толстым кошельком. Изъяснялся языком воспитанника школы для трудных детей – на ломанном русском сообщил, что защитит от ментовского произвола (оказать юридические услуги) следовало его кореша (партнера по бизнесу), который вообще не при делах (живет строго в соответствии с законами РФ), а менты поганые (оперативная группа) среди ночи ворвались к нему на хату (в жилое помещение), навели шмон (провели обыск, в соответствии с постановлением следователя), да еще и подкинули, гады, в замурованный под паркетом тайник два пистолета «ТТ»¹, один глушитель к ним, коробку с боеприпасами к пистолетам и два паспорта – с разными фамилиями, но одинаковыми фотографиями. Да откуда этому всему вообще взяться было?! Кореш первый раз в жизни подобные штуки видел! Нет, лицензии на оружие у него нет – он всего полгода, как откинулся (отбыл срок, осужден был по статье 222-1² УК), потому лицензию

¹ Пистолет системы «Тульский-Токарев»

² Незаконное хранение оружия

ему не дают.

Да... раз обыскивать примчались ночью, значит шибко «кореш» правоохранительным органам понадобился. Но вот следователя не взяли зря – он бы хоть подсказал, что запрещено производить обыск в ночное время. Хотя знает ли это сам следователь? Если он даже не позаботился получить судебное решение. При обыске жилища постановление простого следака не катит. Значит, и все результаты такого обыска судом будут признаны незаконными.

Дело было дохленьким – даже до стадии вынесения обвинения не доживет. Однако браться за него – тащиться на дуррацкий допрос в РУВД, потом доказывать судье, что обыск был незаконным, а главное общаться с операми, которые это оружие из подпола вытаскивали... Катерине становилось противно от одной мысли об этом. Погода стояла мерзкая, а настроение у нее было еще хуже. Кроме того, Катя еще лелеяла надежду попасть в кафе на Римской. Поэтому высказывать свои предположения клиенту она не стала: чувствовала, что стоит ей заикнуться о положительном исходе дела, и от клиента уже будет не отвертеться. Катерина встала и бочком выбралась из кабинета шефа, шепнув: «Я на минуточку!» и помчалась разыскивать Виталика.

Виталик в этом году должен закончить юрфак, специализировался он тоже на уголовном праве – был мальчишкой энергичным, способным, и мама у него состояла в Московской коллегии адвокатов. Сейчас Катя ему расскажет, что го-

ворить и как, и клиент его с руками оторвет.

Как бы там ни было, но от нового клиента удалось избавиться. Зато полтора часа ее продержал у себя начальник, подробно расспрашивая о командировке. Когда тема себя исчерпала, тот, словно не замечая Катиных посматриваний на часы, устало спросил:

– Кать, ну и зачем ты клиента Виталику сбагрила? – Со своим нынешним начальником Катерина когда-то училась на одном потоке в университете, потому фамилльярность между ними была делом обычным.

– Я сбагрила? – удивилась она. – Клиент сам потребовал, чтобы Виталик работал.

– Дурочку не валяй – понимаешь ведь, о чем я! Виталик сотрудник молодой, неопытный... провалит дело, а у меня проблемы будут! – Начальник подошел ближе и очень пристально всмотрелся в ее лицо: – что-то выглядишь ты неважно, круги под глазами... В отпуск не хочешь?

Когда мужчина говорит, что ты плохо выглядишь, то значит, дела совсем плохи.

– Смеешься? Какой отпуск – работы навалом, – но вдруг передумала.– Хотя, если дашь выходной до завтра – отоспаться, то буду благодарна.

– До завтра? – начальник с сомнением пролистнул привезенные из командировки материалы. – Ну, с отпуском я, конечно, погорячился, а выходной позволить себе можешь. Но только до завтра! – крикнул вдогонку шеф.

В кафе на Римскую Катя приехала в половине второго. Не отпуская такси, убедилась, что Шорохова ее не дождалась и, расстроенная, теперь уже поехала домой. Она ни секунды не сомневалась, что эта девица попытается встретиться с ней еще раз. Уже подъезжая к дому, она позвонила хорошему своему другу Сереже Салтыкову:

– Ты представляешь, кто объявился? Наша Танюша – та самая папина секретарша, – Катя говорила шутливо, стараясь за шутками скрыть свои истинные эмоции и бесконечную усталость.

– И что она хочет?

– Хочет передать какие-то документы по «Меридиану». Сегодня, правда, встреча сорвалась, попробую завтра ее вытащить.

– Она сама позвонила? – удивился Салтыков.

– Сама. Наверное, денег требовать станет.

– Катька, делай с ней что хочешь, но чтобы эти документы были у тебя. Догадываешься, думаю, что там?

Катерина догадывалась, от этого настроение портилось все больше. Расплатившись с таксистом, она собралась уже выбраться из салона, но тут заметила припаркованный у ее подъезда знакомый автомобиль – даже вспомнила, чей это автомобиль. Катя в Москву возвращалась поездом и совершенно не выспалась, так что сейчас мечтала только дойти до подушки. Но со старым знакомым все равно решила поздороваться.

Похороны были назначены через три дня.

Из родственников у сестер Астафьевых осталась только мать, друзей у самой Катерины вроде бы тоже немного, однако небольшой похоронный зал был уже забит до отказа, а желающие проститься все подъезжали и подъезжали. Здесь были коллеги по работе, бывшие клиенты, так что у ворот кладбища оказалось несколько дорогих иномарок. Можно было подумать, что хоронят кого-то очень известного. Впрочем, высокопоставленные лица не задерживались: клали цветы у гроба и приносили несколько слов соболезнования сестре покойной и уезжали. Некоторые и к сестре не подходили, старались быть как можно незаметнее.

– Сереж, позвони в аэропорт еще раз... – негромко попросила Женя – сестра. И добавила еще тише, как будто про себя: – Наверное, что-то случилось.

Этот вопрос за последние несколько дней Сергей слышал уже, наверное, в сотый раз: мать сестер – Ольга Дмитриевна – женщина молодая, бодрая к тому же и состоятельная, московское слякотное межсезонье предпочитала пережидать на югах. Этой весной она «поправляла здоровье», по ее собственному выражению, на Мальдивах. Ольга с трудом пережила смерть мужа – всего год назад, а теперь еще дочка.

Приезда матери ждали с первого дня, но сегодня уже похороны, а ее все нет. Женя была уверена, что «что-то случилось», а Сергей каждый раз сжимал зубы, заставляя себя

молчать, и делал вид, что ищет место, чтобы позвонить. Сейчас он тоже медленно шагал по залу с телефоном в руках и рассматривал пришедших. У гроба никого не было, только в двух шагах, стараясь быть незаметным, стоял Дмитрий Левченко – он явно чувствовал себя здесь неуютно и предпочитал уйти. Интересно, почему не уходит? Никто его здесь не держит... Впрочем, это Сергей его не держит, а Женя, едва Сергей отошел, направилась к несостоявшемуся зятю – Диме. Левченко-младший Сергея удивлял – он всегда делал именно то, чего делать больше всего не хотел, по крайней мере, именно такое впечатление складывалось. Как же трудно ему, должно быть, живется.

Стало еще тише, Сергей покрутил головой: через весь зал шел Левченко-старший с супругой и даже без телохранителей. Сергей сорвался с места ему навстречу, Левченко его тоже заметил:

– Добрый день, Сергей Викторович, – отрывисто проговорил он, протягивая руку, – примите наши с Клавдией искренние соболезнования... понимаю, конечно, от них проку мало, но если вам, или вашей супруге что-нибудь понадобится – Левченко всегда к вашим услугам.

– Спасибо... спасибо... – тихо отвечал Сергей. Вячеслав Петрович Левченко был заместителем председателя комитета по промышленности Госдумы – наверное, самый высокопоставленный из приехавших проститься, к тому же почти родственник Астафьевым. Левченко-младший, заметив

дядю, тут же направился к нему – должно быть, чтобы выпросить разрешение уйти. Вячеслав Петрович, разумеется, никакого разрешения не дал, он вообще молчал, а его жена что-то говорила Жене и пожимала ее руки. Клавдия говорила проникновенно, но не переигрывала.

– Спасибо, Клавдия Александровна. Спасибо, что нашли время, Вячеслав Петрович. Сереж, позвонил?.. – больше взглядом, чем словами спросила Женя.

– Рейс задержали. Ты же видишь, какой снегопад в Москве.

У Жени дрогнули губы, а глаза заблестели:

– Что-то точно случилось, – снова прошептала она.

А Клавдия ее тут же увела на воздух, не переставая утешать. В зале и правда было невыносимо душно, хоть Сергей и был уверен, что не о Женькином самочувствии она заботится, а просто хочет, чтобы разговору между ним и ее мужем никто не мешал.

Удивительная женщина! Мужа своего Клавдия Александровна чувствовала, как саму себя – точно знала, чего ему в данный момент нужно. Словно между ними установилась телепатическая связь. Почему у них с Женей не так?

Левченко тоже, наверное, об этом подумал, потому что, чуть улыбаясь, смотрел на удаляющихся жену и молодую женщину. Вряд ли они договорились с ней заранее. За пару секунд, что Левченко смотрел на жену, Сергей успел его разглядеть – едва ли не в первый раз за все время знакомства –

было в его фигуре что неуловимое и обманчивое. Левченко всегда казался внушительным, хоть на самом деле был очень небольшого роста, полного, даже рыхлого телосложения, но в идеально сшитом черном костюме с темно-серым галстуком. Волосы у него были густыми и все еще темными, и морщины на мясистом лице не читались. Само лицо было красноватого цвета, что выдавало в Вячеславе Петровиче гипертоника. Левченко вообще не отличался здоровьем: гипертоник, сердце больное и отдышкой, конечно страдает. Проблема здоровья – обязательная тема в беседе с Левченко-страшим – рассказывает он много и подробно, однако, вот что странно: на отдых он практически не ездит, и в больницах не отлеживается. А лет ему уже немало.

– А что же Ольга Дмитриевна – так и не приехала? – неожиданно спросил Левченко. Сергей ответил не сразу – Левченко сам его рассматривал со скрытым интересом, и это отвлекало, к тому же он задумался, что отвечать. Это Женя поверит, что погодные условия не подходящие, а если и не поверит, то все равно проверить не сможет. Женя даже телефон аэропорта узнать не в состоянии – не только из-за смерти сестры, просто она никогда такими вещами не занималась. А Левченко, конечно, знает, что самолеты из Мале прибывают регулярно.

– Она не приедет пока. Вы же знаете, у Ольги проблемы с сердцем, а когда я ей сообщил – стало совсем плохо. Она хотела прилететь, но я ее отговорил.

– Да вы что! – воскликнул Левченко. – Конечно, такая беда. Может быть, нужно что-то?

– Нет, там хорошие врачи. Вы только Жене этого не говорите, она и так еле справляется.

– Конечно-конечно... – Левченко пожелал пройти к гробу и положил шесть голландских бордовых роз, а потом замер, разглядывая Катину фотографию в траурной рамке: на фото она была моложе – только-только окончила университет. Рука подпирает подбородок, россыпь медно-золотых волос занимает добрую часть фото, и сияют две звездочки глаз. И улыбка. Открытая, ничем не омраченная. Катя нечасто так смотрела или улыбалась – просто фотографу она очень доверяла. А фотографом в тот раз был Сережа. Черт дернул Женьку выбрать именно эту фотографию! Сергею захотелось оставить Левченко в покое и уйти, но Вячеслав Петрович негромко произнес:

– Надо же, даже гроб закрыт...

– Там ведь пожар был! – раздраженный дядиной непонятливостью, бросил Левченко-младший.

– Я знаю... но неужели так сильно?.. – смущаясь, спросил Левченко у Сергея. «Играет, – подумал Сергей. – Смущаться Левченко не умеет». А тело действительно обгорело очень сильно, Сережа на опознание ездил вместе с Женей, для ее нервов это, конечно, было испытанием. Сергей ее бы и вовсе не повез, но Женька единственная родственница. Когда откинули простыню – с ней случилась истерика. Судебный ме-

дик утешал, говорил, что Катя умерла, ударившись головой при падении: надышалась просачивающимся из трубы бытовым газом и упала. Обгорело тело уже потом.

Всего этого Сергей рассказывать Левченко, конечно, не стал, а только кивнул. Вскоре, попрощавшись с Женей, супруги Левченко уехали. Дмитрий тоже хотел убраться, но согласно своему правилу, остался. Остался он аж до конца церемонии – держался зажато, потому что ни с кем из Катиных коллег или Жениных подруг не был знаком. С Сергеем же вступать в разговоры и не думал – антипатия их была взаимной. Церемония закончилась в два часа дня, к пятнадцати минутам третьего все машины с территории кладбища разъехались.

Сергей уходил от могильного холмика последним. Памятников на небольшом участке земли теперь было два: «Астафьев Андрей Михайлович» и новый, но уже слегка припорошенный поздним мартовским снегом, с высеченным на камне именем «Астафьева Екатерина Андреевна».

Глава 2. Адвокат

Старогорск

Полосатая красно-белая лента тянулась вдоль трассы Москва-Старогорск метров на двадцать, огораживая проезжую часть от обочины. Автомобилисты, издалека заведя посты ДПС, сбавляли скорость до километров в час, указанных на придорожных знаках, и пролетали мимо, мельком

отметив странное скопление служебных машин на обочине. Машин, собственно, было пока не много – вот когда подъедет следственная группа, здесь будет настоящее скопление, а пока только дежурные – «Жигули» ДПС и два УАЗа Старогорского райуправления. Ну и моя «Бэха» с вашим покорным слугой. Был март в самом разгаре, но весны не чувствовалось. Снег только полчаса назад перестал падать, изо рта шел пар, а дэпээсник, охраняющий место, пританцовывал и косился на нас с «Бэхой». Подойти не решался. От посторонних, явившихся на место происшествия, всегда ждут только плохого, поэтому и право общаться с их владельцами предоставляют начальству. Кто их знает – спросишь у такого деятеля документики, а он тебе ксиву³ Московского ГУВД... Ну их... пусть начальство документы спрашивает...

У меня гувэдэшной ксивы не было, у меня было только скромное удостоверение адвоката. Светить своим удостоверением я пока не спешил, решил дожидаться Юрку – адвокатов менты не любят... да и правильно, за что же им нас любить? А вот и микроавтобус с дежурным следователем и экспертом подкатил. Юрка вылетел из машины, конечно, первым, пружинистой походкой направился под откос трассы, куда уже была протопана тропинка. Про меня он вспомнил только когда дэпээсник снова начал на меня коситься:

– А, Никитин, хорошо, что приехал. Это со мной, – кинул он дэпээснику, и тот суетливо отодвинул ленточку огражде-

³ Удостоверение (жарг.)

ния для нас. Следом за нами в сосновый лесок вереницей потянулись практиканты, эксперты, следователь. Юрка Ваганов уже года полтора, как занимал должность заместителя начальника местного СК⁴, выезжать на место преступления вообще-то прерогатива дежурного следователя – что заставляло Ваганова мотаться почти на каждый труп лично – загадка.

Учитывая, что сегодня суббота, вытащили его, скорее всего, прямо из дома, а потом уже он вытащил из гостиницы меня – звонком по телефону. Сказал, что за городом нашли труп, возможно мой. В смысле, не мой, но тот, который я разыскиваю. В смысле, я разыскиваю не труп, а живого человека, но... всякое может быть.

– Стой! – Юрка резко остановился и, натыкаясь на спины впередиидущих, притормозила вся наша вереница. Ваганов присел на корточки и погладил ствол сосны у протоптанной тропинки. Это он не природу так любит, это он заметил клочок черной шерстяной материи, приставший к шершавой коре. – Овцын, зафиксируй! – крикнул Юрка эксперту-технику, шедшему где-то позади.

– Это мы что, идем той же тропой, по которой его сюда тащили? – уточнил я.

– Ну да. Этот спуск с дороги как раз самый удобный. Только ни следов, ни отпечатков ботинок все равно уже не найдешь: наши все вытоптали, да и снег припорошил. Если толь-

⁴ Следственный Комитет РФ

ко... Стой! – он снова резко присел на корточки и хмыкнул. – Если только опера заранее не побеспокоились.

Опера побеспокоились. Чуть с краю от тропинки аккуратно был расчищен от снега небольшой клочок земли, и четко виднелся глубокий хороший отпечаток подошвы. А рядом воткнута сосновая ветка, для приметы.

– Овцын, зафиксируй! – снова распорядился Юра и двинулся вперед.

Сам труп лежал чуть дальше, рядом с поваленной большой елью. Здесь же в стороне курили и негромко переговаривались оперативники. Максим Федин – невысокий и щуплый, с вечно торчащими огненно-рыжими волосами и маленькими колючими глазками – его я немного знал. Хотя я и пребывал в Старогорске всего второй день, но уже понял, что навестить местное РУВД и не познакомиться с лейтенантом Фединым невозможно.

Второй опер – бритый затылок, кожаная с поднятым воротником куртка. Сидя на корточках, он курил и пустым взглядом смотрел в пространство.

– О! Ваганыч, какие люди! – Резво двинулся навстречу к нам третий, заставляя вздрагивать лесную тишину от звуков своего голоса.

Этот был немного старше своих коллег, к тому же одет в форменную зимнюю куртку министерства внутренних дел, а на погонах его была изображена майорская звездочка, из чего я сделал вывод, что это начальник местного уголовного

розыска. Он сиял и радовался, но радовался слишком делано. Сдается мне, что на самом деле он был доволен встречей с Вагановым куда меньше, чем показывал. Хотя, может быть, я не прав.

– Вот я умиляюсь, Ваганыч, – снова заговорил майор, – в разных конторах с тобой вроде служим, у разного начальства, ты сам начальник большой, я обратно – вошь мелкая... А сидим—то все равно в одном здании, в одних коридорах толкаемся... На заяву как не явишься – обязательно на тебя нарвешься! Уже за город, за тридцать километров нас с Соколком угнали, так нет – опять ты! До скольких лет собираешься по выездам мотаться?

– Кто бы о возрасте говорил, – огрызнулся Ваганов. – Самому пора давно помидоры на даче выращивать... Думаешь, мне твою рожу шибко приятно каждый день видеть?

Они остановились в двух шагах, недоверчиво друг на друга покосились, усмехнулись и приятельски пожали руки.

– Ты, кстати, можешь, порадоваться, – добавил Юрка, – я так, за компанию, как надзирающий орган, а работать тебе непосредственно вон с тем фраерком...

Молодой парень в кителе – сразу видно, что из очень интеллигентной семьи – с выражением лица «куда я попал?» оттирал что-то с рукава.

– Следак? – уточнил опер. – Практикант, что ли?

– Какой там... уже полгода в штате числится. Дела подшивать все учится.

– Какой-то он малахольный, по-моему?

– Зато с высшим образованием.

– С филологическим? – хохотнул майор.

– Типа того... Кончай базар, где жмур-то?

– Да вон под елкой лежит, что ему теперь сделается. А это кто? – едва заметно опер качнул головой в мою сторону.

– Адвокат... – ответил за меня Ваганов. Только слепой бы не заметил, как внутренне подобрался майор. – Из Питера. Похоже, его клиент у вас лежит. Это начальник уголовного розыска майор Русаков.

Майор снова расслабился, но пожал мою руку неохотно:

– Можно просто Алексей, – насколько мог приветливо улыбнулся я.

– Можно просто майор Русаков, – с вызовом заявил тот.

Знакомство оказалось неудачным, хотя мне дружба с местными органами нужна была позарез.

– А сейчас, господа полицейские, гражданин адвокат будет нам труп опознавать, – сказал Ваганов в своей обычной мрачно-насмешливой манере. – Прошу...

Федин, как самый молодой, сорвался с места и, будто занавес, приподнял ветви ели, скрывающие лицо мертвого мужчины.

Я взгляделся. Для верности даже достал фотографию моего «клиента» и начал сравнивать. Убитый был довольно высокого роста, в джинсах, черном вязаном свитере и распахнутой кожаной куртке. На вид около сорока. Повреждений

на теле совсем не видно, а если его и убили, то явно до того, как притащили сюда, потому что снег и на нем, и рядом с ним – совершенно белый.

– Не он, – я спрятал фото и потерял к трупу всякий интерес. Зря сюда тащился, только время потерял.

– Жмур-то криминальный⁵ хоть? – недоверчиво спросил Юрка. – Полпрокуратуры сюда приперлось, а сейчас выяснится, что это пьяный на морозе замерз...

– Мы его особо не трогали, пока эксперт не смотрел, Юрий Николаич, – раскрыл, наконец, рот Бритый Затылок, – ... а нож – вон, под картонкой лежит. Нож, кстати, десантный, интересная вещичка. И паспорт есть на имя Каравчука Виктора Андреевича.

– Прописка?

– Прописка местная, – он назвал адрес. – Еще сотовый телефон нашли. Мы тут с Фединым номера уже посмотрели – последние звонки были сделаны вчера. Два входящих – с таксофона звонили, и один исходящий – на телефон, установленный в квартире. Адресок пробить?

– Еще спрашиваешь? Конечно, пробивай, и кто там есть в адресе – тащи в отдел.

– Прямо сейчас?

– Нет, блин, завтра! – огрызнулся Ваганов.

Бритый Затылок нехотя, однако, без выражения недовольства поднялся и, сгорбившись, побрел по тропинке к трассе.

⁵ Здесь: погибший насильственной смертью

Я очень хотел удрать вместе с Затылком, но у меня к Ваганову было дело. Конфиденциальное, конечно. А около него все время кто-нибудь толкался, поэтому я дождался, когда техник все отснимет, а опера снова разойдутся курить. Ваганов, между тем, не жалея брюк, встал коленями в снег и чего-то там высматривал на теле убитого. Следак из интеллигентной семьи отошел, чтобы не мешаться под ногами. Я присел рядом с Юркой – типа мне интересно:

– Ваганов, ты мне обещал телефон газетчика, – напомнил я.

– А? Подожди... – отмахнулся он. – Я чего-то не пойму: если били ножом, то где кровь? При ножевых кровищи сам знаешь сколько бывает! Он весь должен перепачкаться и на метр вокруг все залить, а я даже раны не вижу... Люсь! – наконец-то подошла судмедэксперт – симпатичная толстушка лет тридцати и, разложив складной стульчик, присела рядом с нами. – Люсь, а где рана?

Докторша Люся долго надевала перчатки, потом сноровисто осмотрела труп, задрала на нем свитер – ничего.

– Мальчики, переверните-ка его на живот, – велела Люся.

Ваганов с готовностью начал его ворочать, помог и я – как будто мне больше всех надо... Но перед докторшей лицом в грязь ударить не хотелось. На спине снова ни единой кровинки, но зато на шее, чуть ниже затылка имелось это самое ранение. Небольшая продолговатая ранка, перепачканная кровью. Если бы обследуемый не был трупом, можно было бы

подумать, что это безобидная царापина.

– Интересно, – прокомментировала Люся. – Профессиональный удар в основание черепа. При таком ударе, Юрочка, крови почти нет, и смерть мгновенная... интересно...

Ваганов почему-то повеселел. А я уже на этот труп смотреть не мог. Отвык.

– Ваганов... – хрипло позвал я. Он не расслышал.

– Федин, а кто тело нашел?

– Дэпээсовец нашел. Тут недалеко поворот в поселок – знак на снижение скорости стоит, вот они и сидят «в засаде» как раз недалеко. Нашел вот... Говорят, максимум со вчерашнего дня лежит, потому что позавчера они здесь опять сидели – никого не было.

– Смерть наступила не более суток назад, – подтвердила докторша, заботливо укладывая в чехол ректальный термометр.

– Ясно...

– Ваганов... Ты мне телефон дашь? – уже в полный голос спросил я.

Ваганов сдался, выбрал из своей папки какой-то пустой бланк и по памяти нацарапал номер телефона и имя журналиста:

– Вот, скажешь, что от меня – отдашь ему фотку, текст он сам напишет, не в первый раз.

– Спасибо.

– Иди уже!

И я помчался в редакцию газеты.

К семи часам я уладил все нужные и не очень нужные дела: договорился с журналистом, сделал приписку в отчете для начальства и даже позвонил маме в Петербург. И опять не придумал лучшего развлечения, чем посетить местную достопримечательность – так называемую Пиццерию. Тем более что находилась она через дорогу от здания Следственного комитета. Пиццерия, конечно, слова доброго не стоила, но комитетские здесь постоянно обедали, может быть, и я не отравлюсь.

Да... город этот мне не нравился – я этого и не скрываю. Люблю вкусно поесть в комфортной обстановке, а какой уж тут комфорт, если стульев в заведении меньше, чем столиков, следовательно, за стульями идет постоянная охота. Музыка орет так, что оглохнуть можно. В меню только два блюда: пельмени, которые я вообще-то не пробовал, потому что их запах отбивает всякий аппетит и, собственно, пицца – резиновая настолько, что после обеда сводит челюсти ...

В общем, описания одного пищеблока достаточно, чтобы стало понятно, что я в этом Старогорске не по своей воле. Беда моя в том, что неделю назад в нашу питерскую адвокатскую контору «Фемида-гарант» обратился очередной клиент – бизнесмен средней руки, которого наш питерский Следственный комитет подозревает в убийстве компаньона. Клиент же клянется, что убили компаньона хоть и на его глазах,

но убил совершенно посторонний человек. Описал, как полагается, его приметы, составил фоторобот, и даже заявил, что это убийство видел не только он, но еще и его шофер – Геннадий Севухин, который после произошедшего не стал дожидаться, когда его обвинят в убийстве или в соучастии, а предпочел просто смыться из города. Следователь моему клиенту попался такой, какого врагу не пожелаешь – не в том смысле, что дотошный, типа Ваганова, а совсем наоборот – пофигист полный. В общем, следователь, не желая ничего слышать ни о каких свидетелях, строчит обвинительное заключение, опера радуются, что быстро раскрыли дело, а адвокат, то есть ваш покорный слуга, хоть из-под земли (чего вообще-то не хотелось бы) должен достать свидетеля Севухина.

Дело, правда, не совсем глухое: выяснилось, что у Севухина есть сестра, и живет она в Старогорске, что в Московской области. Я посчитал, что большая доля вероятности, что именно туда наш герой отправился. Взял с клиента предоплату на мелкие расходы и своим ходом отправился в этот богом забытый Старогорск.

Может быть, и я преувеличиваю – не такой уж он богом забытый. Маленький, конечно: два района, по одному проспекту в каждом, проспекты пересечены ухоженными чистыми улочками. Зато городок был вполне развитый: автомобили здесь вполне конкурентоспособны с моей «Бэхой», здания рядом со Следственным комитетом современные, пре-

зентабельные – особенно выделялась аккуратная двухэтажка с мраморным фасадом, огороженная замысловатым литым заборчиком и с полуметровыми, светящими в ночи буквами над входом «Старогорск-тур».

Впрочем, наверняка это лучшее, что есть в Старогорске – этакий негласный центр. Еще я слышал, что здесь даже университет свой имеется, а рестораны и кафешки – по крайней мере, внешне – очень приличные. И зачем я уже второй день обедаю в этой Пиццерии, чтоб она провалилась?!

В сердцах я бросил кусок недоеденной пиццы, придавил тарелкой деньги за обед, и пулей вылетел на улицу. Ни ногой больше в это заведение!

...По приезду в Старогорск меня ждало разочарование: севухинская сестра из города, оказывается, давно уехала, и где искать ее я не представлял. Но и Севухин этого тоже не знал – видно общался с родственниками нечасто. Соседи Севухиной подтвердили, что мой «клиент» квартиру сестры навещал, даже с ними разговаривал – и было это утром того же дня! Я сообразил, что из города Севухин вряд ли успел уехать, значит, я еще мог его задержать. И я побежал к Юрке Ваганову, который в ситуацию быстро въехал и по старой дружбе решил кое-что сделать: фотографию моего Севухина распечатали и раздали всем постамам ГИБДД в городе, также его «фейс» оставили в транспортном отделе полиции – на единственном вокзале. Таким образом, риск, что Севухин уедет из города, стал минимальным. Хотя и был.

Вчерашние сутки я ждал, что где-нибудь да объявится Севухин, но этого так и не произошло. Тогда Юрка придумал другую штуку: нашел какого-то приятеля-газетчика, фотографию «клиента» поместили в газету и написали, что «Разыскивается особо опасный преступник», а ниже мой телефончик. Мы справедливо рассудили, что газеты читает практически все население города, а рубрики типа «Ужасы нашего городка» с перечислением количества пожаров, ДТП, несчастных случаев и прочего вызывает у публики особый интерес. На фотографию «особо опасного преступника» внимание, конечно, обратят – глядишь и вспомнят, что видели где-нибудь эту «бандитскую рожу». В общем, жуя резиновую пиццу, я в мечтах уже пообщался с этим Севухиным, тот моментально согласился давать показания и... я уже был дома.

Но это в мечтах. В реальности же мне предстояло снова ехать в гостиницу, а там было скучно, хоть вешайся. Проверить бы, насколько приличны рестораны изнутри, но что я буду, как дурак сидеть там в одиночку? А так как других знакомых кроме Юрки Ваганова у меня здесь не было, я направился в СК.

– Леша, у Ваганова допрос – нельзя к нему. Нельзя я говорю! – Наташа-секретарь уже крутилась перед зеркалом, поправляя прическу – собиралась уходить, но, дабы защитить кабинет от посторонних, готова была, похоже, ночевать под

дверью. Пришлось мне дать ей честное слово, что в кабинет раньше времени я не ворвусь, и не нарушу тем самым хрупкий контакт, установившийся между следователем и... кого он там допрашивает. Подперев затылком косяк двери с табличкой «Заместитель начальника следственного отдела СК Ваганов Ю.Н.», так как сидеть здесь было не на чем, я принялся ждать.

С господином замначальника я знаком ещё с тех времен, когда он был простым следователем, а господа полицейские назывались попросту ментами. Года два назад он приезжал к нам, в Питер в командировку по поводу одного довольно громкого дела. Тогда-то мы и познакомились.

Стоять под дверью было скучно, да и бас у Юрки такой, что только глухой подслушать его не смог бы. И я начал прислушиваться.

– ...Значит, с Каравчуком вы знакомы не были? – спросил голос Юры.

– Этого я не говорила! – раздраженно ответил женский голос. – Я не отрицаю знакомства.

– Когда и при каких обстоятельствах вы встретились впервые? – монотонно голосом говорил Ваганов. Чувствовалось, что спрашивает он это уже не в первый раз. Это довольно распространенная практика: допрашиваемый начинает нервничать, в пятый раз отвечая на один и тот же вопрос, а раз нервничает, значит может выдать то, что тщательно скрывает. Если есть, что скрывать, конечно.

– Господи, я уже тысячу раз вам объясняла. Я снимаю у него квартиру...

– У Каравчука?

– Ну да... но свою фамилию он мне не называл.

– Не называл... – устало повторил Юрка, и я как будто сам увидел, как он со вздохом отодвинул дело, как подпер рукой подбородок и душевно заговорил с девицей: – и как же, милая моя, он тебе представился?..

– Я попрошу вас мне не «тыкать», я с вами «на брудершafft» не пила, и не собираюсь.

Вот с этого места мне стало даже интересно:

– Хорошо. Извините. Как он вам представился?

– Виктором.

– Виктором. Чудно. Значит, вы ничего не знаете о Каравчуке, кроме имени и внешних данных, но за четыре часа до смерти он звонил именно вам! Более того, за два часа до смерти он заезжал к вам домой! И вы – единственная, кто вообще знал, что из Старогорска он поехал не куда-то, а в Москву! И вы хотите, чтобы я поверил, что вы снимали у Каравчука квартиру и ничего большего?!

Ваганов, как всякий нормальный следователь, придирался к любым деталям и ясно давал понять подозреваемому, что не верит ни единому слову. А, судя по его манере разговаривать, подозреваемым был каждый второй его собеседник. Редко человеческая психика выдерживала такое общение. Сейчас, Ваганов явно пытался поймать девицу на про-

тиворечиях в показаниях и пришить ей близкое знакомство с этим Каравчуком.

– А что это вы имеете в виду под словами «и ничего больше»? – Голосом оскорбленной невинности переспросила девица. – Я не говорила вам, что Каравчук едет в Москву, я сказала, что он едет в сторону Москвы! В Шереметьево. Он мне сказал, что собирается за границу, на отдых. Или у нас поблизости есть другие международные аэропорты? – закончила она совсем нагло. Ох, зря она выбрала такой тон.

– Вы, девушка... в смысле, Татьяна Леонидовна, голос тоже не повышайте. Соблюдайте все-таки субординацию! – не остался в долгу Юрка.

– А я и не повышаю!

– Хорошо... – со вздохом закончил Ваганов очередной акт моего аудиоспектакля, – допустим, Каравчук сам сообщил, что едет за границу. А куда конкретно он собирался и с кем, он не обмолвился?

– Не обмолвился. Про приятеля, который его дожидался у подъезда, я вам уже рассказала... Да, еще – когда я снимала эту квартиру, я заплатила только за месяц...

– Вы не рассчитывали оставаться дольше?

– Нет... Так вот, я заплатила за месяц, а в тот день, за четыре часа до смерти, как вы говорите, Каравчук мне позвонил и сказал, что планы его меняются. В общем, практически потребовал с меня плату за три месяца вперед, сказал, что уезжает в отпуск и ему срочно нужны деньги за квартиру.

– Постойте-ка, – прервал ее Ваганов, – вы ведь москвичка, Татьяна Леонидовна, так?

– Так...

– Для чего же вы вдруг приехали в Старогорск? И всего на месяц? У вас здесь какие-то дела?

– На месяц? – удивленно переспросила девица. – Я имела в виду, что в квартире Каравчука собиралась задержаться на месяц, а потом подыскать что-то получше. Видите ли, с прежней работы я уволилась, а одна моя знакомая предложила мне работу здесь, в местном университете, в библиотеке.

– Я в курсе. Так вы бросили работу в Москве, чтобы устроиться библиотекарем в Старогорске? – недоверчиво уточнил Ваганов.

– Да... видите ли... – девица отчего-то уже не была такой смелой. – Я сама родом из поселка – он находится недалеко от Старогорска, и вот, решила вернуться на малую родину, так сказать... Поближе к родным.

– Вы говорите о поселке Заречном?

– Да-да!

– Родные? Насколько я знаю, вы сирота, вас воспитывала бабушка.

– Да, бабушка... Она давно просит меня вернуться.

– Не сомневаюсь. Итак, Каравчук за два часа до смерти заезжал к вам и требовал деньги. Он угрожал вам?

От такого резкого перехода даже я вздрогнул, а девица

снова заволновалась и начала нести какую-то чушь. Кстати, это тоже распространенный прием: запудрить подозреваемому мозги беседой на отвлеченные темы, а потом застать врасплох каверзным вопросом. А Ваганов хорош – не удивлюсь, если девицу выведут отсюда в наручниках и напрямик в камеру к гопницам. Главное, чтоб не за убийство следователя...

В кабинете, между тем, страсти снова накалялись:

– Я вам всего лишь сказала, что мне показалось, будто Каравчуку самому угрожали, и за границу он отправился, чтобы от кого-то скрыться! Ну, посудите сами, и род его деятельности...

– А что – род его деятельности? – насторожился Ваганов.

– Да только ленивый не знал, что Каравчук вращается в околоскриминальных кругах!

За дверью что-то стукнуло – видно, Ваганов долбанул кулаком по столу. Или прибил свидетельницу:

– Да ты же мне битый час доказывала, что ты две недели назад сюда приехала! – в очередной раз взорвался он.

– А вы мне не «тыкайте»! И не кричите!

– А я не кричу!.. – орал Ваганов.

– Кто у него там? Кого колит, что ли?

От неожиданности я вздрогнул – я так увлекся спектаклем, что не расслышал, как к двери подошел Толик Василенко, коллега Ваганова.

– Подожди... – невольно зашипел я. Мне уже было инте-

ресно, чем этот балаган закончится. – Девку какую-то допрашивает, свидетельницу, похоже.

– Свидетельницу? – настороженно переспросил Василенко. – Да сколько ж можно... они уже два часа, как заперлись.

И звонко постучал в дверь. Голоса в кабинете стихли, а вскоре замок щелкнул, открываясь.

– Козел! – прошипела и фурией пронеслась мимо меня свидетельница.

Хочется надеяться, что охарактеризовала она подобным образом не меня.

– Пропуск не забудьте! – крикнул ей вслед Юрка, но та уже умчалась. – Курица... ничего, на проходной ее все равно не выпустят. Сейчас прибежит. Алексей, ну ты говорил с газетчиком? – спросил он уже у меня.

– Говорил. Завтра утром...

– Подожди минуту, – перебил он меня тут же, – Василенко, ты по делу?

– А я разве когда-то приходил не по делу, Ваганыч? Я тут обвинилровку⁶ оформляю, и что-то у меня сомнения насчет...

Пока они обсуждали свои производственные проблемы, я деликатно вышел за дверь. Понятно, что и оттуда мне были слышны все их страшные следственные тайны, но тайны были такими скучными, что минуты через две я уже откровенно зевал. И в этот момент, как и предсказал Ваганов, вернулась свидетельница за пропуском. Пока она по коридору шла

⁶ Обвинительное заключение – документ, сопровождающий дело в суд

в приемную, я мог рассмотреть ее во всех деталях.

Свидетельница оказалась чудо, как хороша, побольше бы таких свидетельниц. На шпильках, невысокая, стройная, но – насколько я мог судить по распахнутому пальто – довольно фигуристая. И рыжая. Хотя, может, крашенная. Что-то мне подсказывало, что зарплаты старогорского библиотекаря ей бы не хватило и на один сапожок, да и вообще крайне сомнительно, что эта столичная фифа явилась в заштатный Старогорск по своей воле.

Да... такую, на месте Ваганова, я бы за «козла» извинил.

Я метнулся в вагановский кабинет, забрал с его стола подписанный пропуск и опять шмыгнул за дверь:

– Вы за этим вернулись?

– Благодарю, – она даже не улыбнулась, а просто выдернула листок из моих рук и развернулась, обдав меня флером духов с ванилью.

Оскорбленный, но не разочарованный, я направился следом:

– Таня... вас ведь Таней зовут? Послушайте, как вы смотрите на то, чтобы пообедать? Догадываюсь, что Юрий Николаевич успел вас утомить.

– Благодарю, мне есть с кем пообедать. – Не повернув головы, она летела по коридору. Упруго пружинили золотые локоны у плечей. Хороша!

– А давайте я вас тогда подвезу – я как раз на машине.

– Меня сегодня ваши уже подвозили... – Теперь она по-

луобернулаась и даже изволила улыбнуться. Правда ехидно, и указывая взглядом на порванный чулок.

Я, нахмурившись, оценил и чулок и пришел к выводу, что ноги у моей новой знакомой еще лучше, чем кудри. Потом я заметил, что увлекся, и уже хотел заверить, что подвозить ее собираюсь не на угробленном ментовском УАЗе, а на вполне приличной «Бэхе», но услышал, что меня окликнул Ваганов.

В общем, златовласая красотка уплыла, оставив прокуратуре на память лишь шлейф ванильных духов.

– Ну как? – не отрывая взгляд от экрана монитора, осведомился Юрка, когда я вернулся в кабинет. Нахмурившись, он торопливо что-то печатал.

Я бухнулся в продавленное кресло для посетителей и, глядя в потолок, вздохнул:

– Пока никак... но она же у тебя на подписке о невыезде? Так что никуда не денется с подводной лодки.

Ваганов даже прекратил стучать по клавишам и глянул на меня исподлобья:

– Я про журналиста и этого твоего Севухина. Казанова командировочный...

– С журналистом все еще лучше, Ваганыч! – заверил я. – Слушай, ты все-таки – голова... Я бы поместить фото в газету не додумался.

Юрка криво усмехнулся:

– Погоди радоваться... Ты его еще не нашел.

Настроение портить Ваганов умел. Я же был на сто про-

центов уверен, что в течение завтрашнего дня мне должны, просто обязаны позвонить, потому что... потому что если не позвонят, то значит Севухин уехал до того, как я начал активно его разыскивать. А уехать он ведь мог куда угодно.

– Слушай, хватит людям настроение портить! – поморщился я и прошелся, разминая мышцы, по Юркиному кабинету.

Кабинет у него, к слову сказать, был совсем не прокурорский – даром, что помещение большое, но пыльное и прокуренное, будто здесь лет десять форточку не открывали, к тому же завалено папками с делами, вещдоками и прочей требухой под самые антресоли. Про прокурорскую мебель вообще молчу – моя мама такую постеснялась бы и на даче ставить. Меня разжалобить трудно, но даже мне захотелось оказать посильную спонсорскую помощь Ваганову.

Со спонсорской помощью я, конечно, загнул, но вытащить отсюда Ваганыча я посчитал своим долгом.

– И вообще, сколько можно здесь киснуть: как насчет пойти проветриться, есть в твоём Старогорске приличное место, кроме Пиццерии?

– Проветриться... – лицо его стало еще более кислым, но слегка задумчивым.

Я знал, что Ваганов меня в одиночестве не оставит – домой ему спешить незачем, он так же, как и я свободен. В смысле неженат, но, в отличие от меня, уже разведен. Разумеется, это не Юрка ее бросил – у него на такие глупости,

как начинать ссоры и разводы сроду времени не хватало. А вот жена – тоже, кстати, бывший следователь, ныне адвокат – еще лет пять назад забрала дочку и ушла к какому-то бывшему следователю, ныне адвокату... Странно, как Ваганов еще меня терпит – адвоката, бывшего следователя. Еще и шутит не смешно: мол, сейчас он хотя бы с дочкой видится чаще, каждое воскресенье – его законное.

Поэтому Ваганов подумал-подумал, потянулся на стуле, хрустнул суставами и сказал задумчиво:

– Приличное место, говоришь?..

– Сегодня в производство новое убийство получил, – по-доброму улыбаясь, поделился Ваганов, отставив опустевшую рюмку. Не спеша, принялся за салат. Ваганов все делал не спеша. – На которое утром выезжали, помнишь?

– Помню, – я даже не стал поправлять, что дело получил не Ваганов, а его следователь из интеллигентной семьи. Я Ваганова знал достаточно, чтобы быть уверенным – тащить дело будет именно он. – И чего радуешься? Убийство-то глупое⁷?

– Да похоже... Грохнули, вроде, там же, в леске, или в машине, пока везли, а потом под ель перетащили. Орудие убийства – армейский десантный нож – там же скинули. Отпечатков нет, конечно. Слабеньких свидетелей двое, подозреваемых – нуль.

⁷ Заведомо нераскрываемое преступление (арго)

– Да? А я думал, у тебя число свидетелей тождественно числу подозреваемых!

– Смейся-смейся...

– По второй? За встречу.

Мы чокнулись и быстро опрокинули водку. Вагановпил красиво – в один глоток и не морщась. Впрочем, у следователей красиво пить водку это что—то вроде профессионального навыка.

– Я вообще давно уже не удивляюсь, когда свидетели переходят в разряд подозреваемых, – продолжил Юрка. – Она, свидетельница, мне, представляешь, песню поет, что из окна второго этажа видела, в какую машину садился терпила⁸! Со спины рассмотрела того, кто был за рулем, и даже какие-то татуировки на руках разглядела...

– А зачем ей врать?

– Бог ее знает. Может, со скуки. А что! У меня был случай: свидетель такую историю красочную рассказал, мы, как полагается – фоторобот подозреваемого, версию отработываем...потом уже экспертиза показала, что у свидетеля вялотекущая шизофрения с периодами обострений. Вот когда у него обострения, он что хочешь может сделать, и грохнуть кого хочешь, а потом ему «голоса» байки рассказывают, а он в эти байки сам же и верит на полном серьезе.

Снова наполнили рюмки. Выпили. Помолчали. Потом первым заговорил я:

⁸ Потерпевший (арго)

– Кстати, о свидетелях. Я эту рыженькую похоже знаю, как у твоей свидетельницы фамилия?

– Да ну! – притворно удивился Ваганов.

– Серьезно, знаю! Как же ее зовут-то... Таня... Таня... – начал вспоминать я. – Она еще из поселка какого-то подмосковного родом...

– Из Заречного? – спросил Юрка, с затаенным вниманием глядя мне в глаза.

«Повелся, повелся...» – посмеялся я про себя.

– Точно из Заречного! Как же ее фамилия... Таня... Таня... Я еще с ее братом в мореходке служил... Телефончик ее не подкинешь?

Но второй раз Ваганов не повелся:

– Иди ты лесом, командировочный! И брата у нее нет.

– Да? Значит, обознался. Жаль.

Я посмеялся и разлил остатки водки:

– Ладно-ладно, слушай, а если Севухин все-таки уже уехал?

– Вполне мог и уехать... Смотри: ты попал к соседям Севухиной на три часа позже, чем сам Севухин, но! Допустим, из Питера в Москву он ехал скоростным поездом – выспался, из Москвы в Старогорск ехать никак не меньше двух часов на электричке, и чуть меньше, если на маршрутке. И в том, и в другом случаях он устанет, как собака – после посещения бывшей квартиры Севухиной вряд ли у него останутся силы мчаться назад в Москву, да и зачем? Знакомых в Москве у

него нет, иначе бы он не потащился в Старогорск. В Москве, конечно, проще затеряться, но если бы твой Севухин это понимал, он опять же не поехал бы к сестре. Так что предполагаю, что он от сестры поехал назад на вокзал, покантовался там немного, наверняка заметил на стендах свою фотку и надпись, что он в розыске, и решил, что из города ему не уехать. А потом залег на дно: если у него есть деньги – снял квартиру, если денег нет...

– Нет, деньги у него есть, – пробормотал я.

– Ну вот! Он в городе – точно тебе говорю.

– Убедил... – я сдался и заказал еще бутылку. – Так вот... я тебе рассказывал, как я с ее братом в мореходке?.. На один день мне отпуск дали – я к ней... Марина, говорю, на гражданку выйду – все равно тебя найду...

– Её Таней зовут! – подсказал Юрка.

– А... ну да – Таня. Таня, говорю, вот на гражданку выйду...

– И брата у нее нет! – сипло ржал Ваганов. – Слушай, Казанова командировочный, клеил бы ты баб в другом месте, а? У нас тут контингент... не отмоешься потом.

Но осоловелость в его глазах уже появилась, так что телефон я все равно получу. Сто процентов.

Глава 3. Несчастный случай

Москва

– Пожалуйста-пожалуйста, смотрите! Скрывать мне абсо-

лютно нечего... все по закону. – Хозяйка квартиры торопливо, но вместе с тем как будто обижено отпирала ключом дверь. Замок, наконец, поддался, и хозяйка проскользнула внутрь первая – было заметно, что она все-таки волнуется. Артем прошел следом.

– А квартирантка где?

– А я ж откуда знаю! Я в ее дела не лезу... платит исправно – ничего не могу сказать, соседи не жалуются. А остальное меня не касается. Если у вас к ней какие претензии, то я-то тут при чем?..

Пока хозяйка доказывала, что она «не при чем», Артем, не спеша, оглядывался. Эту квартиру в Филях снимала некая Татьяна Шорохова, только дома она не появлялась уже больше недели. Именно тогда Артем начал разыскивать эту девушку, работающую в ООО «Оникс». На сегодняшний день он знал ее имя, знал, как она выглядит, теперь вот узнал и где она живет. Только поможет ли это? Нет в квартире ни самой Шороховой, ни бумаг! Хотя, поискать все равно стоит...

Однокомнатная квартирка в унылой панельной девятиэтажке была обставлена довольно скромно. Очень по-женски самым любовно обустроенным местом была кухня. Кроме кухни была еще ванная с аккуратно расставленными баночками, тюбиками и прочей женской чепухой и, собственно, комната – чистая и почти безликая. Здесь Артема больше всего привлекал письменный стол с запертым на ключ ящиком для бумаг. Ключ, впрочем, лежал здесь же, в стел-

лаже, заставленном книгами по юриспруденции и делопроизводству. Но ящик оказался почти пустым – бумага, ручки, незапечатанный конверт с письмом...

«Здравствуй, дорогая бабушка...» – начиналось письмо, написанное ровным убористым почерком. Артем пробежал глазами весь текст, но ничего полезного не увидел. Кроме письма в конверт была вложена фотография – миловидная рыжеволосая девица в пальто на фоне собора Василия Блаженного.

Хозяйка, пока Артем шарил в столе, молчала, но вдруг заговорила, явно волнуясь:

– Так ваши же из милиции... из полиции то есть... сюда уже ходили – перерыли здесь все вверх дном. И чего вы ищите, не могу понять – ничем таким она не занималась. Приличная девушка, ничего не могу сказать... Платила всегда вовремя...

– Я знаю, – как будто извиняясь, улыбнулся хозяйке Артем, – шестнадцатого числа к вам должен был зайти наш сотрудник – Салтыков.

– Да-да! Шестнадцатого числа, майор Салтыков – он мне еще визитку оставил. Позвоните, говорит, если что-то вспомните. А что я могу вспомнить? Я ему, что знала, уже рассказала... да и не знаю я ничего. А Салтыков этот угрюмый такой, все ходил-ходил, на меня и не смотрит – будто нет меня здесь. Ни слова не объяснил, что случилось? Чего Танька натворила... В компьютере ее лазил, из ящика, вон,

паспорт ее забрал и письма бабкины зачем-то там читал...

Артем, действительно, обыскав все, что мог, паспорта так и не увидел. Бегло взглянул на письма в почтовых конвертах – обратный адрес везде один: Московская область, Старогорский район, поселок Заречный. Основательно осмотрев и плательный шкаф, Артем обнаружил зажатую между ним и стеной коробку из-под обуви с неожиданным содержимым – пачками стадолларовых купюр. Большая часть банкнот была запаяна в полиэтилен, а значит, появилась в этой коробке вся разом. Это кто же и за что нашу Таню вознаградил такой суммой?

Артем небрежно бросил коробку назад, догадываясь, что цепкий взгляд хозяйки коробку, конечно, заметил, и что-то ему подсказывало, что денежек там вскоре станет меньше. Впрочем, ему не было до этого дела, а вот то, что ничего полезного он в квартире не нашел – после Салтыкова-то, это плохо.

– Что же вы, гражданочка, паспорт чужой кому попало отдаете? – укоризненно вздохнул Артем.

– Я же не кому попало... майор ведь из полиции... – обомлела хозяйка, мгновенно переведя взгляд с ценного шкафа на Артема.

– Из полиции... – скривился Артем. – А то сами не знаете, что в полиции сейчас кого только не встретишь.

Потом он закрыл шкафы и неожиданно улыбнулся:

– Вас... как по имени-отчеству? – Он знал, что обладает

на редкость обаятельной улыбкой, которой он всю пользуясь. Да и сам Артем выглядел очень дружелюбным – всегда приветливый, открытый. Одеваться с иголки было его жизненным принципом. Он и среди коллег-оперативников резко выделялся этой своей улыбчивостью и стилем.

– Нина... – поспешно ответила хозяйка. Ей вряд ли было больше тридцати пяти, может быть, даже моложе Артема, но – застиранный халатик, неприбранные волосы, наспех накрашенные зачем-то губы – про себя Артем называл таких «баба» и мало чего испытывал, кроме брезгливости. Но на работе нужно улыбаться.

– Нина – такое необычное, редкое имя, сейчас такое и не встретишь.

– Ой, спасибо... – зарделась женщина. – Да это даже не моя квартира! Я соседка хозяев – соседи мои за границей уже года три, квартиру вот сдают, а я присматриваю... А вы скажите, ее в чем-то подозревают, да? – Она старательно выговорила слово «подозревают». – Вот ведь, а! Приличная девушка такая, никогда бы не подумала...

– Можно присесть? – спросил Артем, прежде чем опуститься на диван рядом с ней.

– Конечно!

– Нина, Татьяна ничего не натворила, не беспокойтесь. Но запомните, ей угрожает опасность... – Артем очень любил говорить пафосно-киношными фразами, его это забавляло. – Вы сами видите: дома она не появляется, ее родствен-

ница тоже беспокоится – не знает где она. Так что все очень серьезно! Сама она вряд ли вернется в эту квартиру, но кто-нибудь наверняка будет ее здесь искать, тогда вы, пожалуйста, свяжитесь со мной по этому телефону, – он положил перед женщиной визитку с номером, – важно, чтобы вы связались именно со мной – наш сотрудник Салтыков сейчас в отпуске, и это дело теперь у меня.

Женщина послушно и доверчиво кивала после каждой фразы Артема.

Зампред комитета Госдумы Левченко появился в кабинете начальника районного УВД Николая Ивановича Сеницкого неожиданно. То есть, Сеницкому, конечно, позвонили «сверху» и поставили в известность, что дело о недавнем взрыве в квартире у них в районе, берет под свой контроль лично Левченко – но берет и берет... На то он и депутат, чтобы все время что-нибудь контролировать... – подумал Сеницкий и, хоть и распорядился дело подчистить, но особенного внимания звонку не придал. Ситуацию со взрывом недельной давности он помнил: взрыв не маленький – кухня выгорела полностью, один труп, больше, слава богу, пострадавших нет. Начальник следственного отдела Исаков, работающий под началом Сеницкого, по случайности оказался рядом с местом происшествия, потому прибыл одним из первых и сам же возглавил осмотр места. СК как всегда перетруждаться не захотел и от дела откrestился, сославшись на

то, что криминала никакого нет, а значит, это подследственность полиции. Так что в итоге Исаков и забрал то дело себе в производство.

Причина смерти хозяйки пострадавшей квартиры – кровоизлияние в мозг, полученное при падении, видимо, когда та надышалась газом. Какие-то претензии были к работникам коммунальных служб, но, в конце концов, Исаков выявил, что хозяйка квартиры виновата сама. Неправильно эксплуатировала газовую плиту. Несчастный случай. Проблем для УВД и для себя лично Сеницкий не ожидал.

Каково же было его удивление, когда на следующий день после звонка к нему в кабинет явился сам Левченко – вальяжный, с пухлым лицом и внимательными глазами.

Очень скоро Николай Иванович понял, что допустил ошибку. Возможно роковую. Вообще, сам он считал себя везунчиком: особых проблем со службой не было никогда. Николай Иванович медленно, но верно продвигался вверх по служебной лестнице, хотя карьеристом не был. Как-то само так вышло. Был он человеком достаточно упрямым, грамотным, умел вовремя «прогнуться», но без лишнего усердия и постоянного поддакивания, так что и начальство, и коллеги, и подчиненные Сеницкого уважали. Собственно, дослужиться до занимаемого сейчас места он никогда и не рассчитывал, и был уверен, что эта должность – его «потолок». Вдобавок, Николай Иванович давно подумывал, чтобы уйти на покой – устал он. Правда, уйти хотелось все же с почетом,

а не с пинком под зад.

Потому на свой прокол он отреагировал болезненно... Покойная Астафьева – та самая, единственная погибшая – приходилась невесткой зампреду Левченко. Впрочем, настроен враждебно Левченко вроде бы не был.

– Вы уж поймите меня, Николай Иванович, – говорил зампред, – Катенька ведь мне как родная была, а теперь раз – и нет ее! Что случилось, кого винить?.. Говорят, несчастный случай, только положи руку на сердце, – депутат запальчиво приложил ладонь к груди, – не верю я! Решил сам лично явиться и все разузнать...

Подоспевший начальник следственного отдела Владислав Исаков начал излагать Левченко детали дела, а Синицкий тем временем вздыхал и думал о том, что не видать ему почетной пенсии. Зампред вел себя странно: косил зачем-то под простачка, но глаза выдавали – слишком внимательные. И в район к ним сам явился, и ничего вроде бы не требует, наказывать никого не рвется... зачем ему это все?

– Но как она вообще оказалась в квартире в это время?! – покраснел от натуги и несогласия Левченко. – Катенька ведь работает! В это время она никогда не бывает дома!

Следователь отвечал ему подробно, не спеша. Было видно, что пытается он вести себя уверенно, но непроизвольно у Исакова даже язык заплетался:

– Я разговаривал с ее коллегами: Астафьева плохо себя чувствовала в тот день – только что вернулась из команди-

ровки, ночью не выспалась. Ей даже предложили взять отпуск. В таком состоянии, к сожалению, подобные несчастные случаи не редкость. К тому же неполадки с газовым шлангом в плите – в шланге была трещина, причем экспертиза показала, что испорчен шланг по вине хозяйки. В итоге газ выходил несколько часов. Ну а потом... вы же понимаете, достаточно небольшого огня, даже искры, чтобы прогремел взрыв. А Астафьева как раз курила...

На мягком, словно надутым лице выступали капельки пота. Он вздохнул:

– И что же, вы исключаете всякую возможность преднамеренного убийства?

Синицкий, угрюмо молчавший до этого, вопросительно взглянул на следователя. Тот тоже молчал, но несколько рассеяно. Вопрос и правда был странноват: с чего Левченко взял в голову, что Астафьева могла быть убита? К тому же складывалось впечатление, что подобное заключение устроило бы его намного больше.

Исаков, опомнившись, забеспокоился еще сильнее – заизвинялся и принялся промокать свой вспотевший от волнения лоб платком:

– Екатерина Андреевна была адвокатом, специализировалась на уголовных делах – я тщательнейшим образом рассмотрел все ее последние процессы, но пришел к выводу, что в профессиональном плане у нее проблем не было. – Синицкий сильно сомневался, что Исаков так серьезно занимался

этим делом, но преподносил тот свою работу в выгоднейшем свете. – Год назад, вы знаете, наверное, был застрелен в своем офисе Андрей Астафьев – ее отец. В том случае, конечно, было заказное убийство в чистом виде, но опять же ничто не указывает на то, что эти две смерти взаимосвязаны. – Николай Иванович отметил, как Левченко поднял беспокойный взгляд на следователя при упоминании Астафьева-отца. – А самое главное, Вячеслав Петрович, в квартире так и не было обнаружено следов умышленного поджога. Это указывает, что взрыв был все-таки несчастным случаем. Мне очень жаль...

Последняя фраза показалась Синицкому двусмысленной: то ли следователь сочувствовал горю Левченко, то ли сочувствовал, что надежды депутата на то, что смерть была именно убийством, не оправдались. А что Левченко сожалел почему-то, что это не убийство было видно сразу.

Вячеслав Петрович и сам понял двусмысленность фразы и еще раз поднял взгляд на следователя – этот Исаков... фамилию упоминали лишь раз, но Левченко все же запомнил – этот Исаков явно не договаривает чего-то. Возможно, и понимает, почему ему так важно, чтобы смерть Астафьевой оказалась действительно несчастным случаем. Вот только верилось в этот несчастный случай Вячеславу Петровичу с трудом.

Все, кто знал чету Салтыковых более-менее близко, не

могли не отметить, насколько супруги разные. Не внешне – внешне как раз они прекрасно подходили друг другу: оба высокие, русоволосые, сероглазые. Но характеры... Насколько Женя была тонкой и впечатлительной, настолько же Сергей был циничным и жестким. Но, говорят, противоположности сходятся – так думала и сама Женя. По крайней мере, была уверена до последних событий. Ей всегда казалось, что они с Сергеем будут прекрасно друг друга дополнять, а наиболее «острые» углы во взаимоотношениях сгладятся с годами. Салтыковы были женаты уже третий год, но компромиссы все еще не были найдены. Наоборот, Жене казалось, что чем дальше, тем больше они с мужем не понимают друг друга. Мало того, в последнее время Женя стала находить у мужа такие черты характера, от которых ей становилось даже страшно.

Женя знала Сергея с детства. В середине девяностых Андрей Михайлович Астафьев как раз перешел из разряда просто успешных юристов в «высшую лигу». Кто-то из его знакомых открыл юридическую контору, и отца пригласили на место управляющего. Вскоре появилось большое количество лишних денег, на которые, продав старое жилье, родители и купили роскошную трехкомнатную квартиру в высотке у метро Сокол.

День переезда в новую квартиру Женя помнила как сейчас. Они с матерью и младшей сестрой приехали на такси вслед за грузовой машиной, перевозящей мебель. Отец как

всегда пропадал на работе, а мама мужественно руководила командой грузчиков. Когда те взялись за новенький немецкий мягкий уголок «Клара», к маме присоединилась и одна из будущих соседок. Теперь они на пару давали грузчикам суперценные советы и настырно рвались сопровождать аж до самой квартиры.

– Ой, с кем я дочек-то оставлю?.. – лишь на мгновение отвлеклась мама от «Клары».

– Сережа! – крикнула вглубь двора добровольная помощница. – Сынок, присмотри за девочками, мы скоро.

Сережей оказался рослый парень с чуть опущенными по последней моде волосами, лет шестнадцати-семнадцати – Жене он тогда показался ужасно взрослым и важным. До окрика матери он общался с такими же старшеклассниками, как и он – немного в стороне от подъезда. На сестер он посмотрел явно читаемой на лице тоской, покидать веселую компанию ему не хотелось.

Двенадцатилетняя Женя, перехватив взгляд, важно от-вернулась: вроде как ей и самой не очень нужна была нянька. Но тут же ее толкнула в бок сестра:

– Смотри, какой парень! Вылитый Патрик Суэйзи в «Грязных танцах»!

Отец девочек был большим любителем голливудского кино, несколько лет назад у Астафьевых одних из первых, среди всех знакомых, дома появился видеомаягнитофон – громоздкий и тяжелый, и целая стопка американских фильмов.

«Грязные танцы» Катька засмотрела до дыр. В результате, она была влюблена в актера Патрика Суэйзи и твердо заявила, что хочет быть артисткой кино.

– И ничего не похож... – тайком бросив взгляд на нового соседа, отозвалась Женя, но сестра ее уже не слышала. Она, одиннадцатилетняя шмакодявка, уверенно направилась к группе старшеклассников.

Женя по сей день не знала, что сказала им ее сестра, только в ту компанию Катька, несмотря на возраст, на удивление легко вписалась. А в квартире Салтыковых она и вовсе пропадала теперь часами. Это у нее называлось «заниматься с Сережей математикой».

– Сережа, ты вчера вернулся поздно, я не успела тебе сказать. Я звонила в аэропорт – самолеты из Мале, оказывается, прилетают регулярно, – вдруг сказала Женя за завтраком.

Сергей хоть и понимал, что когда-нибудь жена об этом узнает, но новость преподнесена была все равно неожиданно. Женя, по всем правилам ведения допроса, выждала время, усыпляя бдительность мужа и раскладывая в тарелки омлет. Когда потенциальная жертва приходит на водопой, даже хищник в дикой Африке ее не тронет. Женя же «добивала» жертву прямо во время водопоя... Ее ошибкой было только то, что она даже сейчас, по сути, ничего не спрашивала.

– Хорошо. Наверное, Ольга скоро приедет, – безразлично пожал плечами Сергей.

Женя помолчала.

– Я знаю, что ты от меня что-то скрываешь. Ты меня жалеешь, да? – видно было, что она очень хочет говорить холодно и спокойно, но голос ее все равно дрогнул: – или ты считаешь, что грохнусь в обморок, услышав дурные вести?

Сергей не потрудился ответить, а для Жени это было главным доказательством того, что она права. И еще она просто не выносила эту манеру мужа не отвечать на ее вопросы – просто не отвечать, будто не слышит. Или слышит, но считает их такими пустыми, что им и внимания уделять не стоит. И снова заговорила сама:

– С мамой что-то случилось, да? Она этого не вынесла, да?..

– Ну что ты такое говоришь! – поморщился Сергей. – С Ольгой все хорошо.

– А почему тогда она не приехала? Ты что считаешь, что это нормально: ее дочь погибла, а она даже не приехала на похороны... Мама не могла так поступить... – и, хоть и обещала самой себе, что больше не будет ни слезинки – не выдержала. Резко встала из-за стола и отвернулась к окну, пытаясь подавить рыдания.

Только тут Сергей посчитал нужным отложить вилку, подойти и хоть как-то проявить сочувствие.

– Ну, Женька, что ты, в самом деле? – он обнял ее сзади и легко поцеловал в висок. – Ты всерьез думаешь, что Ольга про тебя забыла? Оставила тебя и никогда не приедет? Ты

сама знаешь, что это не так... Ни о чем не думай, все будет хорошо, – словно гипнотизируя, прошептал он Жене на ухо.

Как же Женю злило это его спокойствие! Для нее происходящее было каким-то сюрреализмом, а у него «все будет хорошо»!

– Да что же здесь может быть хорошего...

Трель сотового Сергея перебила ее, не дав сказать. Конечно же, муж снял трубку и перестал ее слушать вовсе.

* * *

Номер был Сергею незнаком.

– Сергей Викторович? – голос был мужским, неуверенным, совсем молодым и, судя по всему, звонивший Сергея тоже не знал. – Я хотел бы поговорить с вами о Татьяне Шороховой, это ведь вы ведете дело об ее исчезновении?

– Исчезновении? Я даже не знаю, кто это.

Не слушая больше всхлипываний Жени, Сергей вихрем пронесся в комнату и прикрыл дверь за собой. Мужчина на другом конце провода явно ждал другого ответа и, волнуясь еще больше, начал уточнять:

– Вы ведь Сергей Салтыков, работаете в УБЭП? Вы приезжали осматривать квартиру Тани, забрали ее паспорт...

– Вы ее родственник, – перебивая, резко спросил Сергей.

– Нет. Не важно... я просто друг.

– Друг? Боюсь, ничем не могу вам помочь. Ели хотите по-

дать заявление о пропаже человека, обратитесь в районный ОВД. Хотя, сомневаюсь, что его у вас примут – вы ведь даже не родственник.

– Но... вы ведь забрали ее паспорт!

– Вы что-то путаете, – сдержанно ответил Салтыков, – я не знаю, о ком вы говорите.

Пока мужчина не сказал еще что-то, Сергей попрощался и нажал отбой. Только запоздало подумал, что не плохо было бы выяснить личность звонившего. Впрочем, его номер сохранился, так что личность можно установить и позже.

Женя была спокойна – по крайней мере внешне. Она стояла у раковины и ополаскивала тарелки после завтрака. Но его легкие шаги в сторону прихожей все равно расслышала:

– Ты куда?

Муж чуть замешкался с ответом, но Женя и так поняла, куда он спешит.

– Сегодня же воскресенье! Катки больше нет, а тебя ничего не интересует кроме твоей чертовой ментуры! – дрожащий от рыданий голос все больше переходил в крик.

– Жень, я сегодня дежурю, – еще пытаюсь вернуть уют сегодняшнему утру, – мне действительно нужно ехать.

– Сейчас десять часов утра! Какое дежурство? Тебе всегда лишь бы сбежать, а на то, что творится в доме – плевать! Я еще могла мириться с этим раньше, но сейчас! Хотя бы сейчас!..

– Жень, мне правда нужно на работу. Я служу в государ-

ственной организации – я не могу просто так не приехать, ты это понимаешь? И давай на этой почве не будем ссориться...

– Давай! – истерично выкрикнула Женя. – Действительно, было бы из-за чего ссориться! Все ведь хорошо, все нормально! Еще скажи, что я скандал устраиваю на пустом месте... Слушай, может это я уже сошла с ума? Может, давно уже считается абсолютно нормальным, что молодая женщина – моя сестра и твоя бывшая любовница – заживо сгорает в своей квартире, а все говорят: ну и что? И бегут на свои дежурства!

– Женя... – сморщился Сергей.

– Что – Женя! Ты не согласен со словом «любовница»? Или со словом «бывшая»?

– Ты соображаешь, что говоришь! – гаркнул Сергей – Женя замолчала на полуслове. Кажется, она и правда в этот раз перегнула палку.

– Я уже ничего не соображаю, Сережа... – едва слышно закончила она и поплелась в комнату, не обращая больше внимания на мужа.

Она слышала, что некоторое время в прихожей было совсем тихо. Видно, муж раздумывал – кинется за ней или просто уйти. А потом негромко щелкнул замок входной двери.

Глава 4. Полицейские

Старогорск

– Виктор Каравчук родился в Старогорске в тысяча де-

вятьсот шестьдесят восьмом, – с выражением начал читать Федин собственный доклад по вчерашнему делу.

Проделанной работой он сам был доволен на сто пятьдесят процентов: прошли всего сутки, а он в одиночку успел набрать информации на всех троих фигурантов! Теперь он зачитывал результат своего труда самому Ваганову и, хоть и строил из себя личность независимую, надеялся на какую-никакую похвалу.

– ...В Старогорске же окончил школу... десять классов, из Старогорска был призван в армию, служил в десантных войсках. В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, после службы основался в Москве...

– Обосновался.

– Что?

Ваганов сидел напротив, подперев голову рукой, прямо перед его носом стояли песочные часы и интересовали Ваганова, похоже, только песчинки в этих чертовых часах.

– «Обосновался в Москве», а не «основался», – он в очередной раз перевернул часы.

– Я и говорю «обосновался»! – огрызнулся Максим. – Юрий Николаич, у меня, как бы, дел много... может, сам прочитаешь?

Юрий Николаевич даже не посмотрел на него:

– Не-не, продолжай. Ты хорошо читаешь.

Федин кашлянул и продолжил, все еще надеясь произвести впечатление:

– Полтора года прослужил в полиции, во вневедомственной охране. Ушел...

– За пьянку?

– Что? – опять поднял голову Федин.

– Говорю, за пьянку, наверное, выперли?

– Нет... не знаю... просто ушел и все!

– Проехали, – вздохнул Ваганов и перевернул часы, – что дальше?

– Дальше, как обычно – у частных «на калитке»⁹ стоял до последних событий. Жил тихо, мирно, незаметно.

– Незаметно, говоришь? А оказывается, каждая библиотечарша знает, что Каравчук, цитирую: «вращался в околокриминальных кругах».

– Ну не без этого, – согласился Максим, – пока государству служил, связями разными оброс. В определенных кругах вообще говорят, что он в Старогорске «все про всех знает». Кстати, Каравчук не бедствовал: все это время деньги у него водились, и вкладывал он их в недвижимость, в том числе и у нас. Только почему-то квартиры не официально, через риелторов сдавал, а селились там, в основном, его приятели-знакомые...

Дверь скрипнула, и в кабинет робко заглянул парень лет двадцати пяти, потом он вошел полностью, и оказалось, что это прокурорский следователь Абрамов... или Антонов... Максим никак не мог запомнить его фамилию. В общем,

⁹ Здесь: работа в службе безопасности различных предприятий (арго)

этот был тот самый следак, который и вел обсуждаемое дело Каравчука.

– Юрий Николаевич, извините за опоздание – пробки, – развел он руками и, покрутившись, сел где-то в углу, положив кожаный портфельчик себе на колени.

Ваганов вздохнул, скользнув по нему взглядом, и спросил у Максима:

– Еще что?

В углу щелкнули застежками портфельчика и громко зашуршали бумагой.

– Собственно, все... Да, еще Каравчуку же принадлежала пивная... «У Витюхи» называется, знаете?

– Знаю-знаю, – оживился прокурор и даже отвлекся от часов.

– Вот там Каравчука каждый завсегда знает. Многое мне про нашего убитого порассказали, но к делу мало что относится. Врагов он не имел, никому не мешал, никто ему не угрожал. Почему вдруг сорвался уезжать за границу – тоже никто не знает...

– Юрий Николаевич, – обеспокоено перебил Максима следователь Антонов, – можно выйти? Я кажется, где-то плечо известкой испачкал...

Ваганов позволительно махнул рукой.

– Но вот что интересно, – провожая следователя взглядом, продолжил Максим, – за последнюю неделю Каравчука трижды видели с неизвестным типом – высокий, темноволосый,

«качок» в темных очках и в кожаной куртке с вышитым на спине орлом. Причем видели этого «качка» только два человека: некий Агеев – приезжий, с Каравчуком он лично не знаком, но часто бывает в его пивной. Один раз Агеев видел этого «качка» когда тот пришел в пивную уже перед самым закрытием, а второй раз заметил их сидящими в автомобиле. «Тойота-Камри» серого цвета. Машина, предположительно, принадлежит «качку».

– Ну а второй, кто его видел – Шорохова?

– Ага. Она утверждает, что этот «качок» дожидался Каравчука во дворе, рядом с тем же автомобилем «Тойота-Камри», пока Каравчук разговаривал с ней в квартире. Говорит, что из окна его видела.

– А больше про этого «качка» никто ничего не слышал... – задумчиво произнес Ваганов. – Так же, как и о серой «Тойоте».

Пока прокурор снова считал про себя песчинки, Максим заговорил о главном, ради чего и пришел:

– Юрий Николаич, надо бы постановление написать. Чтобы посты ДПС досматривали все серые «Тойоты-Камри».

– Если он не совсем дурной, то тачку где-нибудь припрятет. Можно, конечно, сообщить постам ДПС, но... вряд ли это что-то даст. Я вот что думаю: может, среди квартиросъемщиков нашего Каравчука есть какой-нибудь брютет-«качок». Ты же с ними со всеми разговаривал?

– Разговаривал. Но не со всеми – некоторые, как узнали,

что Каравчук мертв, бросили квартиру и вообще свалили. А под эти приметы никто из окружения Каравчука не подходит – иначе бы Агеев его знал.

Вдруг Ваганова словно осенило, он не только отвлекся от часов, но даже резко встал со стула и начал расхаживать по кабинету, а в глазах у него появился лихорадочный блеск, какой бывает у творца, нашедшего гениальный ход:

– А сам Агеев! Федин, я ведь его допрашивал – сам видел! Он брюнет, высокий – одного роста со мной, куртки, правда, с орлом не носит...

– Агеев, хоть и высокий, но тощий, никаких мышц... И если Агеев сам его грохнул, зачем ему вообще упоминать «качка» в кожаной куртке?

– Зато он упомянул куртку с орлом. Агеева рядом с Каравчуком видели, может быть, тысячу раз, а куртку с орлом Агеев мог надеть единственный раз в жизни – на куртку внимания обратят, а на рожу – нет! И ты как вопрос свидетелям ставил? Наверняка ведь: видели ли вы с Каравчуком «качка» в кожаной куртке? Так? А рост у него мог быть какой угодно и комплекция какая угодно – с высоты разве рассмотришь? Значит, и Агеев вполне подходит. А Шорохова, как по писаному толкует, что тот в куртке был высокого роста.

– Думаешь, Шорохова с Агеевым в стоворе? – нерешительно пробормотал Федин. – Да нет, чушь какая-то! Шорохова эта – библиотечка... в городе, правда, недавно. Москвичка. Родом из Заречного...

– А чего ради она сюда приехала? Что у нас здесь – курорт?

– Да мало ли, зачем она могла приехать! – фыркнул Федин.

Снова скрипнула дверь, и показался следователь Антонов. Прокурор сразу отвлекся на него:

– Э-э-э... Андрей Арнольдович...

– Я Антон Альбертович, – поправил тот.

– Ага... ты будь другом, сгоняй в ларек – принеси минералки, а?

Максим снова проводил следователя взглядом. Он чувствовал одновременно рассеянность и злился. Рассеянность, потому что не знал ответа на вопрос – зачем Шорохова приехала в Старогорск. Он был уверен, что хорошо поработал, а на этот простой вопрос ответа не знал. Более того, даже не задавался этим ранее.

А злость была на Ваганова – почему прокурор вместо того, чтобы заниматься серьезным делом – идея с планом «Перехват» казалась Максиму перспективной – задает какие-то идиотские вопросы?

Но прокурор перемены настроения не заметил, он все еще сидел на подоконнике, рассеянно смотрел в окно и беседовал, казалось, сам с собой:

– Вот! – многозначительно закончил он. – И Агеев тоже в Старогорске недавно. И оба они случайно, – последнее слово Ваганов выделил голосом, – познакомились с Каравчуком,

оба случайно застали его с «качком» в куртке. Не многовато ли случайностей?

Зная свою горячность, Максим давно уже всеми силами сдерживался, чтобы не начать спорить. Но сейчас не удержался и съязвил:

– Случайностей много, поэтому хватаем обоих и – к стенке. А потом разбираться будем.

– Ну зачем же сразу к стенке? – со всей серьезностью и чуть не зевая рассуждал прокурор. – А вот «столкнуть» этих голубков между собой не мешает. Посмотрим, как они себя будут вести.

Кабинет Ваганова Максим покинул, все еще злясь на прокурора: работу фединовскую тот не оценил, к идеям его отнеся скептически, да и вообще, похоже, дело Каравчука его интересовало гораздо меньше, чем та минералка, за которой побежал следак Антонов. Но пока Максим дошел по ходам-переходам до отсека уголовного розыска, остыл. По крайней мере, Ваганов не искал в каждом его слове шутку – это уже было хорошо.

Больше всего на свете Максим Федин боялся, что его до конца жизни будут считать кем-то вроде местного клоуна. Эдаким веселым дурачком. Он еще мирился с таким положением вещей в школе, потом в армии, потом в школе МВД. Но считал, что как только он начнет заниматься настоящим делом – уж тогда отношение к нему изменится. Увы – год ра-

боты участковым инспектором, два с половиной в патрульно-постовой службе – от него опять не ждали ничего, кроме хохм. Вот только шутки со временем становились все мрачнее, да и смеялись над ними в основном сослуживцы.

Впрочем, Федин этого не осознавал.

Три месяца назад он перевелся в уголовный розыск Старогорского РУВД и с первого дня поставил себе цель раскрыть «настоящее» дело. Тогда-то окружающие поймут, что Федин – он ого-го! Крут, умен а, главное, убийственно серьезен.

Москва

Немногие знают, что скрывать эмоции, всегда оставаться невозмутимым не менее трудно, чем «играть» – показывать радость или слезы, когда тебе абсолютно все равно. Природа одарила Сергея Салтыкова очень уж скупой мимикой: глядя на его лицо никогда нельзя было понять, о чем он думает, потому и складывалось впечатление, что он «весь в себе», а до окружающих ему дела нет. Узнай Салтыков об этом самом впечатлении, он бы сдержанно, как всегда, усмехнулся одними губами. Он отчего-то думал, что если бы он был весь в себе, начал бы анализировать каждый свой поступок, копаясь во внутреннем своем состоянии – рехнулся бы уже через неделю. Однако и специально он не культивировал ореол эдакой мрачной загадочности вокруг себя. Как-то само

собой получалось. Ну и служба, конечно, приучила: меньше эмоций – крепче сон.

И с Женькой – не знал он что говорить, как утешать. Да и как здесь вообще можно утешить? А еще эти постоянные скандалы дома... у Женьки тоже, наверное, своеобразный защитный рефлекс: найти «виноватого» и выговаривать все, о чем столько лет молчала. Потому Сергей банально сбежал из дома в воскресный день. Именно сбежал, сам он это осознавал довольно ясно. Да и не первый раз он уже так сбегает. Хотя сегодня у него действительно были неотложные дела.

Сергей Салтыков пришел служить в полицию в двухтысячном году, когда она еще была милицией, но популярности в народе уже не имела. Впрочем, Сереже до популярности не было дела: кто бы мог подумать, но у него с детства была мечта. «Я буду оперуполномоченным уголовного розыска, как отец», – написал десятилетний Сережа в школьном сочинении на стандартную тему «Моя будущая профессия». Это были даже не мечты – Салтыков точно знал, что именно так и будет. Правда, «оперуполномоченным уголовного розыска, как отец» Сережа так и не стал. Так уж вышло. На сегодняшний день он был старшим оперуполномоченным Управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Москвы, в звании майора. К своим тридцати трем, Салтыков даже не особенно разочаровался в выборе.

А вот в личной жизни все было не совсем гладко, а в последнее время Сергей и вовсе испытывал настоящий душев-

ный комфорт только когда приходил на работу и откидывался на скрипучем казенном кресле. Да и то минуты на две, потому что тут же начинал трезвонить телефон, и приходилось срочно куда-то бежать.

Но сегодня воскресенье – начальства нет, горящих дел тоже вроде как нет... по субботам-воскресеньям в отделе вообще тихо, приезжали только те, кто предварительно с кем-то договорился, да и то ненадолго.

Артем Зорин был на месте. Когда Салтыков, приоткрыв дверь, заглянул к нему, тот говорил по телефону, в позе «большого босса» – закинув ноги на стол.

– Да-да, зайка... какой понравится, такой и купим... – и, завидев Сергея, прошипел, прикрыв трубку, – Заходи-заходи... – и снова вернулся к Зайке.

С Зориным Сергей не был в особенно дружеских отношениях. Да, честно говоря, «дружеские отношения» в полиции понятие относительное. Соседу по кабинету, например, душу излить не станешь – глупо. А иной раз оглянешься: родная жена про тебя меньше знает, чем тот же сосед по кабинету.

– Ты насчет конторы этой... как ее... – оборвал мысль Зорин. Он уже положил трубку, спустил ноги на пол и хотел, видно, побыстрее разрешить все рабочие вопросы и заняться личными.

– «Феликс», – подсказал Сергей. До убийства Астафьева Зорин сам разрабатывал эту контору, у которой не все чисто

было с документацией, поэтому информацией Артем владел.

– Да, «Феликс»... – хмыкнул Зорин, – там ведь управляющим-то Катеринин отец был, знаешь? – Зорин начал отводить глаза – Сергей понял, что и этот сейчас начнет сочувствовать.

– Знаю. И что убили ее отца, тоже знаю. Так что сейчас с этим «Феликсом»?

– Да сейчас такой конторы вообще нет: мы их проверки-обысками здорово, видать, доконали, клиентура за это время разбежалась, а после убийства Астафьева так и во все... В общем, гендиректор конторку ликвидировал, а сам за бугор свалил. Обычная история... А что тебя конкретно интересует?

– Конкретно меня интересует, кто Астафьева заказал, – без улыбки ответил Сергей, а Зорин на это горько усмехнулся:

– Ну нашел, что спросить... А кто Кеннеди заказал тебе не расписать? Нет, если серьезно, это уже Следственный комитет расследовал – я ни сном, ни духом. Дело закрыли давно за смертью главного подозреваемого, теперь в архиве лежит – есть желание, иди читай. – И поднялся, показывая, что больше ему рассказывать нечего.

– Спасибо, Тем, – Сергей тоже поднялся.

– А ты зачем спрашивал? – вдруг остановил его Зорин. – Неужели еще где конторка моя всплыла? Или так, для интереса.

– Для интереса... – мрачно ответил Сергей. – Совпадения мне эти не нравятся: сначала Астафьева убили, теперь вот... Катя.

– Да ты чего! – округлил глаза Зорин. – Дочка-то сама... сгорела!

– Ну да, сама, – чуть помолчав, согласился он и потер виски.

– ...или не сама? – Артем все же уловил в его словах сомнение. – Накопал что—то?

Но Сергей, сообразив, что сказал лишнее, поспешил легко усмехнуться:

– Было бы что копать. Ты меня не слушай, Тем, я после Катькиных похорон ни одной ночи не спал толком – тебе сейчас такого наговорить могу... Ты куда сейчас? А то, может, в кабак? Хряпнем по соточке – у меня еще три часа до дежурства.

Артем, только что цепко глядящий на Сергея, вроде успокоился и продолжил собираться:

– Извини, Серег, не могу. Слышал ведь: Зайка требует к себе. В другой раз посидим, не раскисай.

Хлопнув Салтыкова по плечу, он запер кабинет и поспешил к Зайке.

У подъезда к УВД стоял автомобиль, принадлежавший Вячеславу Петровичу. Хорошо, что Валера сразу его заметил и, устроившись в тени, переждал, пока депутат выйдет

из здания, усядется, и водитель увезет его отсюда. Левченко лично знал эту погибшую – Астафьеву, так что встретить его здесь Валера вполне ожидал. Наверное, именно депутат и настоял, чтобы на раскрытие бросили все силы. Смешно даже, они ведь думают, что смерть Астафьевой – несчастный случай, и все равно делом занимается аж начальник следственного отдела, и свидетелей, наверное, всех опрашивают вплоть до ее школьных друзей. Как хорошо иметь тестя-депутата...

А до того, что пропал человек – Таня – которой еще можно помочь, никому нет дела. Таня точно пропала, потому что на работу не приходит, на звонки не отвечает, в своей съемной квартире не появляется. Не понятно, сама она уехала, или ее увезли силой, и жива ли еще... Но о плохом Валера старался не думать. Ясно одно: Таня видела, кто убил Астафьеву, и потому ей грозит опасность. Впрочем, Валера уже и сам знал, кто...

Сильнее, чем требовалось, он толкнул дверь УВД и сразу направился к окошку дежурного.

– Где мне найти Владислава Исакова?

– У вас назначено? – толстый с равнодушным взглядом дежурный и не шевельнулся, чтобы повернуть турникет.

– Нет. – Валера решил, что будет вести себя здесь резко, требовательно и нагло – только так от них можно чего-то добиться. – У меня для него важная информация. Я знаю, кто убил невестку депутата Астафьеву.

Подействовало. У дежурного в глазах мелькнул хоть какой-то интерес, и он потянулся к телефонной трубке – видимо звонил Исакову – и после недолгого разговора все же пропустил Валеру.

– Я вас слушаю, – устало и с явной неохотой процедил Исаков.

Но Валера готов был и к этому: у него имелись аргументы, к которым даже этот лощеный следователь не останется равнодушным. Валера вынул из нагрудного кармана флешку и передал Исакову.

– Здесь запись с камеры наблюдения, установленной у подъезда дома Астафьевой. Проверьте, что делал у ее дома оперативник УБЭП Сергей Салтыков – он явно что-то знает об убийстве, а скорее... скорее сам же и убил ее! – Фразу Валера выпалил на одном дыхании. Он ожидал, что после такого заявления следователь побелеет и начнет орать, что обвинения Валеры беспочвенны. У них же честь мундира и все такое прочее – рука руку моет... Но Исаков продолжал смотреть лениво и безучастно. Валера продолжил: – на двенадцатой минуте хорошо видно, как мимо проезжает автомобиль Салтыкова – его номера можно разобрать. Только вот плохо видно, один он или с кем—то... Это копия, конечно.

Исаков же и тогда отреагировал вяло:

– Это невозможно, – чуть не зевая, заявил он, – мы пытались найти эту запись, но она...

– Она была изъята кем-то, кто имеет доступ к таким дан-

ным, и кто оказался проворнее вас. Вы и сами знаете, кем, – грубо перебил его Валера. Напрасно он надеялся, что следователь окажется нормальным – этот Исаков такой же, как и все. Одно тупое равнодушие на лице. – Это запись с другой камеры, установленной на соседнем подъезде. Тот, кто похитил первую, просто не подумал о ней.

– Пусть так, – поморщился Исаков и поерзал на стуле. – Мы уже допрашивали Салтыкова – он давно знал Астафьеву, женат на ее сестре... Естественно, что как только он узнал о взрыве, он приехал туда. Ваши обвинения...

– Это было до взрыва! – снова перебил его Валера. – Взрыв будет только через час пятнадцать! А за двадцать минут до того, как у дома появилась машина Салтыкова, Астафьева звонила ему на сотовый – я уже достал детализацию ее телефонных разговоров! – Валера вынул из карманов несколько мятых листков. – Видите, я все сделал, вам нужно всего-то предъявить все это Салтыкову, и он обязательно себя чем-то выдаст!

Договорив, Валера пытался унять бешено колотящееся сердце и перевести дыхание – будто бежал стометровку. Увидев, что и последние аргументы не вызвали у следователя эмоций, Валера просто ждал с мрачным любопытством – что он ответит на этот раз.

Исаков, молча посидев, встал и попытался похлопать Валеру по плечу:

– Послушайте... – как будто борясь с собой, начал он, –

кем вам приходится Екатерина Андреевна, что вы так увлеклись этим делом?

Вот идиоты! Почему они все думают, будто и у других свет клином сошелся на невестке Левченко!

– Никем, – мрачно ответил он. – Я даже не был с ней знаком. Дело в том, что свидетелем ее убийства была другая девушка – Татьяна Шорохова. И она пропала. Она видела что-то, и я не хочу, чтобы Салтыков добрался и до нее.

В тот же день, когда Таня не вернулась на работу, Валера поднялся в ее кабинет, не запертый Леной, и на столе увидел ежедневник. Конечно, он не упустил возможности пролистнуть последние страницы, чтобы убедиться, что у Тани никто не появился. Таня его не разочаровала: на сегодня у нее была назначена всего одна встреча – с Екатериной Андреевной. Валера сразу сообразил, что речь идет об Астафьевой – дочке бывшего Таниного шефа. Таня часто рассказывала, сколько крови выпила у нее эта Астафьева. А второй раз он вспомнил о записи вечером этого же дня, когда Таня по-прежнему не объявилась, а в «Криминальной хронике» рассказали о взрыве в квартире и снова назвали имя Астафьевой...

– Молодой человек, – настойчиво и даже доверительно снова заговорил следователь, – я очень вам сочувствую – поверьте мне. Но постарайтесь выбросить все это из головы. Дело еще не закрыто, оно у нас на особом контроле – мы во

всем разберемся.

– Но Салтыков...

– Я прошу вас, – еще настойчивее говорил следователь, – запаситесь терпением и дайте нам работать спокойно. – И, чуть понизив голос, добавил: – если не оставите свою затею, будет только хуже.

* * *

После раскаленной под электрическими лампами студии и без того нежаркий мартовский ветерок казался ледяным. Вячеслав Петрович плотнее запахнул пальто – не хватало еще горло простудить.

– Все просто великолепно, Вячеслав Петрович... – дверцу «Мерседеса» вместо охранника открывал руководитель PR-компании Левченко. Шустрый изворотливый парень, который и устроил Левченко съемку в передаче. Пиарщик этот Вячеслава Петровича раздражал – не связывался бы с ним вовсе, но без пиара нынче никуда. Приходится терпеть. Мелькать перед электоратом действительно нужно чаще, и мелькать не только в политических передачах, но и во всяких популярно-развлекательных ток-шоу, как сейчас, например. Левченко долго противился – здесь не дадут битый час объяснять прописные истины, типа того, что коррупцию нужно искоренять, а разгул преступности в стране превышает все пределы. Не дадут рассуждать на столь полюбившиеся и зна-

комые темы! Да и вообще... несерьезно это как-то, несолидно. Однако ж, выяснилось, что другие политики не брезгуют такими ток-шоу, и спокойно завоевывают все новые слои потенциальных избирателей. И Вячеслав Петрович решился попробовать себя на этом поприще.

Но здесь и темы приходится обсуждать совсем другие. Ток-шоу идет в первой половине дня, а кто в это время сидит перед телевизорами? Разве только домохозяйки всех возрастов. Ну и пенсионеры, конечно, а куда же без них? Статистика показывает, что самые ответственные избиратели – пенсионеры. Да и вообще уважать стариков необходимо, тем более что надо им не много: разругать с экрана телевизора политику нынешнего правительства, поклясться, что «при нас» все будет по—другому – и готово! Пенсионеры вообще доверчивые.

Вот домохозяйкам другое надо. Политикой эта прекрасная часть общества интересуется по минимуму, не интересно им это. Им интересно «про личное» – про жен, про детей, про любовниц. Про собак, естественно.

Сегодня, на протяжении всей передачи в студию не переставая звонили телезрители, а «герой без галстука», то есть Вячеслав Петрович, отвечал на вопросы. А вопросы были прямо сказать идиотскими: от «какие автомобили вы предпочитаете», до «как вы относитесь к творчеству Донцовой». Вспоминая наставления пиарщика, Вячеслав Петрович подробно отвечал: Донцовой наша супруга зачитывается, мы

тоже уважаем, а автомобили мы предпочитаем красные.

Правда один вопрос был очень уж скользким, но и к нему Вячеслав Петрович был готов – трагическая смерть невесты племянника. Что подобный вопрос кто-нибудь задаст, Левченко понимал еще в начале съемок. Митька ведь только и делает, что по ночным клубам, да тусовкам мотается – мажорный мальчик, известный в Москве тусовщик, мать его... Его рожа даже в «глянце» время от времени мелькает. А недавно Левченко узнал, что племянник-то, оказывается, в списке самых завидных женихов столицы! В принципе, Вячеславу Петровичу это было даже на руку – пусть мелькает, какая никакая, а реклама. Конечно, в этой тусовке не укрылось, что Митьку охоматула какая-то адвокатесса, а вовсе не такая же мажорная девочка. Это, конечно, подогревало интерес и к жизни адвокатессы в целом, и уж точно к ее смерти. А смерть эта, с одной стороны, опять же положительно сказывается на рейтинге Вячеслава Петровича: страдальцев в России любят – это не новость. А Левченко именно страдалец, потерявший уже полюбившуюся, почти родную невесту племянника...

А ведь Вячеслав Петрович действительно переживал – на Катерину он возлагал большие надежды. Лучшей жены для Митьки и не найти! Жаль, что все так кончилось, жаль.

В приемной его дожидался Перегудов.

Охраной персоны зампреда Левченко занималась некогда собственная доморощенная служба безопасности, но не так

давно их пришлось разогнать – и причины на то были. Никому нельзя верить, никому... И Левченко заключил контракт с профессионалами, с охранным агентством «Брэнд». «Брэнд» же, кстати, охраняет и «Оникс». Вот Перегудов как раз и возглавляет это агентство. Нашел его когда-то не Левченко, а покойный компаньон – Саша Патров, так что отношение к Перегудову у Вячеслава Петровича было неоднозначным.

С одной стороны Женя Перегудов – настоящий профессионал. Еще когда Перегудов служил у Патрова, Левченко завидовал партнеру со страшной силой. Да и всю биографию начальника службы безопасности Вячеслав Петрович знал досконально: из военных – офицер в отставке, прошел несколько горячих точек. Потом несколько лет сидел без работы, а последние десять лет – в охране. Отличался личной преданностью Патрову. Однажды – дело было еще в середине девяностых – грудью, в прямом смысле, защитил Сашку от киллера. Голыми руками этого киллера повязал, сам схлопотал пулю в живот. Как выжил неизвестно, а на Патрове ни царапинки.

Много таких фактов знал про шефа своей службы безопасности Левченко. Много, но все равно Женя Перегудов оставался «темной лошадкой», да и эта «личная преданность Патрову» Левченко напрягала. Перегудову он не доверял. Точнее, не до конца верил – практически каждое его действие отслеживал с помощью других людей. И как назло ни одного повода усомниться в себе Перегудов ему не давал.

– Здравствуй-здравствуй, Евгений Палыч, проходи... – глубоко вздохнул Левченко. – Есть у меня к тебе, Евгений Палыч, дело... Про горе-то мое семейное слышал? Был на днях у ментов – говорят, несчастный случай. Вот хочу с тобой, как со знающим человеком посоветоваться.

– Слышал, Вячеслав Петрович, примите мои соболезнования... – соболезновал Женя Перегудов вяло, явно для проформы и даже не скрывал этого. А потом раскрыл свою кожаную папку и достал блокнот. – Я тут, Вячеслав Петрович, этим вопросом уже занялся...

Левченко удовлетворенно хмыкнул – именно этого он и ожидал. Перегудов как будто все его мысли знал наперед. Это-то и пугало... Поглядывая в блокнот, тот излагал ход собственного расследования, которое мало чем отличалось от расследования официального. Катерина действительно первый день, как вернулась из командировки, плита действительно была неисправна. И даже про плохое самочувствие Перегудов повторил все слово в слово. Все выглядело вполне логично, но за одну деталь Левченко все же уцепился:

– Говоришь, умерла, ударившись при падении. А не могли ее, скажем, намеренно ударить?

Перегудов даже не моргнул:

– Все могло быть, Вячеслав Петрович. Только, даже если предположить, что Астафьева кому-то мешала, и ее решили физически устранить, то квартира – это последнее место, где ее нужно было искать в тот час. Она даже вашему племян-

нику твердо сказала, что дома не появится до семи.

Опять неопровержимые доказательства, в которые так хотелось поверить... Перегудов, тем временем, продолжал:

– На сегодняшний день официальная версия такова: Астафьева оставила в кухне непотушенную сигарету, ушла в комнату, где спала несколько часов подряд. Потом зачем-то решила вернуться в кухню: скорее всего, почувствовала запах газа. Но надышалась, видимо, сильно – пока шла, у нее закружилась голова, она споткнулась и упала, ударившись виском предположительно об угол стола. Точно сказать обо что нельзя – кухня выгорела полностью, все следы уничтожены, но удар явно было под воздействием массы ее же тела, а не постороннего предмета – это медики установили стопроцентно. Ну а потом непотушенная сигарета все же сделала свое дело и...

– Ну ладно, хватит! – прервал его Левченко. И так спать сегодня плохо буду.

И менты, и его люди твердили одно – Катя погибла сама, и противопоставить их доводам Вячеслав Петрович мог только свое чутье. А Левченко чуял, просто шкурой чуял, что это не случайность. Прикидывая в уме другие варианты, Левченко надолго задумался, а очнувшись, обнаружил, что Перегудов все еще в кабинете.

– У тебя еще что-то? – раздраженно спросил он.

– Вячеслав Петрович, – беззастенчиво разглядывая Левченко, начал тот, – раньше я не был уверен до конца, а те-

перь не остается сомнений: у нас вырисовываются большие проблемы. УБЭП ворошит документы по делу «Феликса». В любое время они могут поехать на завод, а через завод выйдут на «Оникс», если уже не вышли.

Левченко шумно выдохнул – почти зарычал.

– Ты же сам говорил, что все под контролем! Беспокоиться не о чем!.. Это конечно Салтыков наш неугомонный все рыщет, да? – Перегудов молча кивнул, а Левченко в запале даже резво подскочил с кресла и нервно прошелся до окна в кабинете.

– Рыщет Салтыков, – негромко подтвердил Перегудов, – но за ним много кто стоит... так что трогать его бесполезно.

– Бесполезно! А что с ним делать? Руку ему пожать! Хоть что-нибудь вы делаете?

– Делаем. Мир, знаете ли, Вячеслав Петрович, тесен. Подходы у меня к Салтыкову есть.

– Ну хорошо, если так. Только без криминала, я тебя прошу.

А проблема действительно была серьезной – решить ее можно только если немедленно ехать в на алюминиевый завод и прекращать всю деятельность. Или хотя бы временно приостановить. Но все упиралось во время – невозможно вот так свернуть всю работу за пару дней... – и Вячеслав Петрович тут же собрался уходить – действовать нужно было немедленно, а по телефону всех проблем решить невозможно.

но. А сколько этих проблем навалилось!

Отпустив Перегудова, он начал рассуждать: а что, если Астафьеву все же убили? А убить ее могли только из-за дел ее отца. Из-за деятельности этих треклятых «Феликса» и «Меридиана» – больше не за что! И уж не вплелись ли в эту историю те самые бумаги?

Документов этих Вячеслав Петрович в глаза не видел, но если они действительно существуют, то... ситуация вырисовывается скользкая. Уж не из-за этих ли бумажек квартира нашей Катюши взлетела на воздух? Ведь теоретически, если бумаги действительно существуют, они вполне могли попасть к ней в руки. Смешно, но получается, что этот взрыв больше всего и нужен как раз ему, Вячеславу Петровичу Левченко?.. Так что же, кто—то пытается «повесить» на него этот взрыв? Да нет... официальная версия следствия – несчастный случай. А о документах... если они опять же существуют, знают вообще единицы: разумеется, сам Вячеслав Петрович, Зорин, покойный Астафьев – раз, по версии Зорина, именно он в свое время эти бумажки собирал. И все.

Однако, уже садясь в машину, Вячеслав Петрович подумал, что эти документы в любом случае – даже объявись они прямо сейчас – ничем бы это ему не грозило. Правда, окажись эти документы в умелых руках – не у ментов, конечно, а у тех, кто знает, что с ними можно сделать – тогда Левченко это дорого бы обошлось.

Глава 5. Свидетельница

Свидетельница Шорохова явилась на допрос к двум часам. К этому времени мнение о ней у Максима уже изменилось, отчасти благодаря доводам Ваганова. Но Ваганов только обратил его внимание на то, что с этой дамочкой не все в порядке, а остальное Федин нарыл сам. Не далее как вчера, он был в читальном зале Старогорского Гуманитарного Университета, где работала фигурантка Шорохова, и разговаривал с ее непосредственным начальством – степенной дамой по имени Салтыкова Дарья Сергеевна. И... в общем, нужно было видеть, как эта Дарья Сергеевна изменилась в лице, как только Максим упомянул имя Шороховой. Нет, здесь определенно не все так просто. Поэтому с утра Максим предвкушал, как в два часа сюда явится эта библиотекарьша, как первые минут пятнадцать она будет все отрицать – но Максим будет непреклонен! Он коварно и тонко будет ее разоблачать, задавать вопросы, которые, безусловно, выведут свидетельницу на чистую воду. В конечном итоге она расплачется и во всем признается Федину. В чем конкретно она признается, Федин пока еще не придумал, но точно знал, что именно ее показания помогут ему раскрыть убийство Каравчука...

И вот теперь она сидела в кабинете, из которого Максим предусмотрительно выпроводил соседа, и терпеливо, ни разу не изменившись в лице, отвечала на вопросы, которые ей

задавали уже по третьему, а то и по четвертому кругу: как познакомилась к Каравчуком, в каких отношениях с ним состояла, когда в последний раз видела.

Протокол ее допроса Вагановым с ответами на большинство вопросов лежал здесь же, и Максим уже начал удивляться, почему она не взбесится и не предложит ему заглянуть в дело.

– Татьяна Леонидовна, а что-то я документов ваших не вижу, вы привезли паспорт?

– А у меня нет паспорта, – не моргнув глазом, ответила Шорохова, – я его потеряла как раз перед отъездом из Москвы – теперь вот восстанавливаю. Могу предложить водительские права и служебное удостоверение, – она полезла в сумочку, – Юрия Николаевича это вполне устроило.

«Ну, раз Юрия Николаевича устроило...» – с сомнением Максим разглядывал документы, проверяя, не поддельные ли.

– Ну ладно, – закончил он с официальной частью, – вернемся снова к Каравчуку. А вас не удивило, что когда ему понадобились деньги, он позвонил именно вам? Ведь и кроме вас у Каравчука достаточно квартиросъемщиков.

Только договорив и подняв на Шорохову взгляд, Максим понял весь идиотизм своего вопроса. Весь вид свидетельницы – и многозначительно поблескивающий на пальце бриллиант, и явно недешевая одежда, и сравнительная молодость – все это автоматически делало дамочку объектом для выка-

чивания денег. Явись Каравчук с подобным ультиматумом «плати или съезжай» к тому же Агееву (а ведь именно ему подобные были остальные квартиранты), тот бы его послал куда подальше и съехал. Шороховой же было проще заплатить, чем собирать свой многочисленный гардероб и искать другое жилье. Тем более, без паспорта.

Второй раз он почувствовал себя идиотом, когда Шорохова скептически улыбнулась:

– Видимо, я его самая перспективная квартиросъемщица?

Тогда Максим сделал непроницаемое лицо, будто его вопрос это тонкий, продуманный ход.

– Татьяна Леонидовна, вы ведь москвичка? И Каравчук долгое время работал и жил в Москве. Теоретически вы вполне могли там встретиться и даже поддерживать дружеские отношения. Конечно, нет ничего удивительного в том, что и вы и Каравчук приехали из Москвы. Удивительно, что приехали вы оба именно сюда, в Старогорск. Согласны?

– Согласна, – пожала плечами Шорохова, – но это просто совпадение.

– Значит, вы утверждаете, что познакомились с Каравчуком только в Старогорске?

– Да.

Максим решил пойти на крайние меры и неожиданно сам для себя выпалил:

– А у нас на этот счет другие сведения, – от него не укрылось, что Шорохова едва заметно вздрогнула. Он продол-

жил, – в Москве вы работали в... – он заглянул в служебное удостоверение Шороховой, – ООО «Оникс», так?

– Так.

– А Каравчук работал в охранном агентстве... – он заглянул в свои записи, – «Бренд». А я ведь специально наводил кое-какие справки обо всех клиентах этого агентства и хорошо помню, что среди них был «Оникс». Что вы на это скажите? Тоже совпадение?

Фигурантка сначала растерялась, но тут же усмехнулась:

– Скажу, что «Бренд» действительно и по сей день предоставляет охранные услуги «Ониксу», только «Оникс» существует всего один год – столько же времени, сколько Каравчук постоянно живет в Старогорске.

Максим чертыхнулся про себя: нужно было тщательнее проверять, а он не знал про «Оникс» ничего, кроме названия. И как-то сразу он поскучнел, добиваться от Шороховой признания уже не расхотелось. Да, скорее всего и не в чем ей было признаваться. Еще очень хотелось пить, и есть тоже. Но Ваганов велел держать у себя свидетельницу аж до пяти часов, пока тот будет обрабатывать Агеева.

– Татьяна Леонидовна, беседовать нам все равно еще долго... вы чаю не хотите? Тогда прошу подождать в коридоре.

Шорохова не успела неуверенно пожать плечами, а Максим уже схватил чайник и раскрыл перед ней дверь. Он помнил, что по инструкции нельзя посторонних одних оставлять в кабинете – мало ли. Вдруг она где-нибудь найдет секрет-

ные документы, и, не дай бог, их прочитает?

Так как вода из-под крана в помещении, да и во всем городе была непригодна для питья, в конце коридора имелся кулер – подарок мэрии на день уголовного розыска. К нему-то Федин и направился, но на полпути задержался – дверь кабинета Васи Туманова была распахнута настежь. Сам Туманов был в отпуске, и помещением пользовались все кому не лень – допрос провести, или просто поспать после ночного дежурства. Но двери в отделе все-таки принято за собой закрывать. Насторожившись, Максим заглянул внутрь – за столом сидел небритый и странного вида следователь. То, что это был действительно следователь, а не гопник, не пойми как забредший в кабинет, Максим понял только по тому, что тот вел себя довольно по-свойски – сейф раскрыт, на столе уголовное дело, пакет, из которого Небритый вытаскивал палку колбасы. Видно, тоже обедать собирался. К тому же Максим слышал, что утром в РУВД привезли задержанного, и кто-то из комитетских должен был прийти его допрашивать.

– Эй, товарищ следователь! – окликнул его Федин. – Ты б окно прикрыл, а то сквозняк по всему этажу гуляет.

Небритый беспокойно оглянулся. Максим еще раз спросил:

– Задержанного увели уже, что ли?

Небритый кивнул и снова начал копаться в пакете.

А Максим пошел дальше по коридору. По пути он пой-

мал себя на том, что сочувствует следователям: может, нужно было ему бритвенный станок предложить? Да и не спал, бедолага, судя по виду, уже суток трое...

Навстречу ему шагал следователь Антонов... или Абрамов, неся полный до краев чайничек.

В мозгу что-то щелкнуло и прежде, чем Максим успел понять, что к чему, ноги уже несли его обратно к незапертому кабинету. Ну да – вызванный следователь СК, должно быть, и есть Антонов, а Небритый, которого Максим видел в кабинете... неужели задержанный? Так там ведь дело уголовное на столе лежит! И сейф открытый, с тумановскими зарегистрированными вещдоками!

Небритого за столом уже не было, он не спеша вылезал через открытое окно – благо был первый этаж – и спокойно зашагал по дворику РУВД. Полицейских вокруг было полно, но уж больно уверенно вел себя небритый, никто и бровью не повел в его сторону.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул вдогонку Максим и хлопнул рукой по бедру, где ни кобуры, ни табельного оружия, конечно, не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.